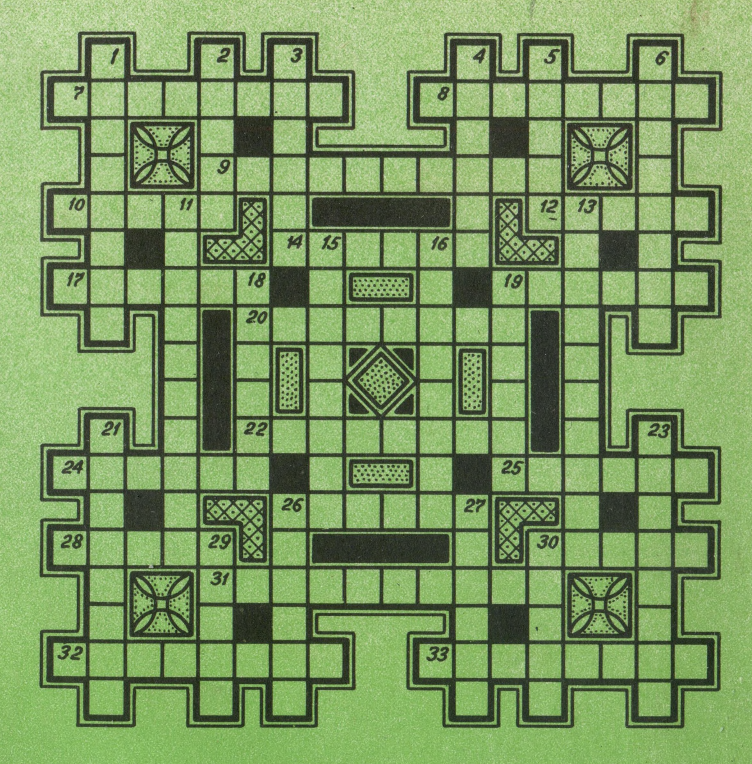
Цена 15 коп. Индекс 73755

КРОССВОРД

По горизонтали. **7.** Кубинский народный танец. **8.** Древнейший период каменного века. **9.** Эффектный цирковой номер. **10.** Магнитный сплав железа с никелем. **12.** Балет композитора Г. Синисало по мотивам карельского эпоса. **14.** Букварь. **17.** Остров в Филиппинском архипелаге. **19.** Тонкая хлопчатобумажная ткань. **20.** Цирковой жанр. **22.** Русский живописец, автор картины «Военный совет в Филях». **24.** Мужская одежда ненцев и части хантов и коми. **25.** Одна из основных географических характеристик той или иной местности. **26.** Сказочное представление. **28.** Эпос киргизского народа. **30.** Покрой одежды, обуви. **31.** Итальянский физик и математик, изобретатель ртутного барометра. **32.** Советский кинорежиссер, постановщик фильмов «Очи черные», «Родня», «Раба любви» и др. **33.** Трагедия Софокла.

По вертикали. **1.** Французский писатель, баснописец. **2.** Стихотворение А. Пушкина. **3.** Иносказательный рассказ с нравоучением. **4.** Спортивное оружие. **5.** Действие, выполняемое без перерыва, и промежуток времени, в который это действие осуществляется. **6.** Вид изобразительного искусства. **11.** Жанр циркового искусства. **13.** Южная полярная область земного шара. **15.** Научно-популярный журнал. **16.** Русский архитектор, представитель классицизма. **18.** Выдумка, небылица. **19.** Венгерский композитор, пианист. **21.** Незанятое служебное место. **23.** Твердый защитный покров некоторых беспозвоночных животных. **26.** Разновидность керамики. **27.** Плодовое дерево. **29.** Французский писатель. **30.** Южный плод.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА И РЕДАКЦИИ:
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Телефон редакции: 928-97-42

ГОРИЗОНТ

3 · 90 Общественно – политический ежемесячник

Размышления секретаря райкома Алексея БРЯЧИХИНА

Игорь Бестужев-Лада
ВЫБОРЫ ПРОШЛИ: ЧТО ДАЛЬШЕ?..

НЕСИТЕ
НА ФРОНТ
КРАСНЫЙ ПОДАРОК

Плакаты первых послереволюционных лет

Открытое слово ГРИГОРИЯ СВИРСКОГО

Стихи Владимира КОРНИЛОВА

«Темы с вариациями» Николая Каретникова

Д. В. День раненого красноармейца. 1919

СОВЕТСКИЙ ПЛАКАТ: ПЕРВЫЕ ГОДЫ...

Новому общественному строю требовалось новое искусство. Шла ломка вековых воззрений. Громогласное «Даешь!» стало звучать внятнее, чем первейшая христианская заповедь «Не убий!».

Старые мастера плаката с их изобретательностью и виртуозностью ушли или уходили, не поняв, что и зачем происходит в России. Новая плеяда художников-плакатистов, как, впрочем, и других служителей муз, еще не выросла. Новая мода искусств натужно искала неизведанные пути, постигая трудную философию социализма. Формы и жанры диктовало суматошное и голодное время. Оно и понятно: сырым да босым не до изящества. К черствому хлебу не подают тонких вин...

Плакаты первых послеоктябрьских лет и заметка о них Игоря Печкина — на вкладках этого номера, на с. 51 и 3-й стороне обложки.

3 (472) •90 ГОРИЗОНТ

Общественно-политический ежемесячник

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Сдано в набор
Подписано к печати 14.03.90. Л22055. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитуры «Литературная» и «Журнально-рубленая». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,57. Усл. кр.-отт. 5,04. Уч.-изд. л. 5,84. Тираж 100 000 экз. Заказ 556. Цена 15 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий». 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Г 0302020800—290 / М172(03)—90 Без объявл.

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке и вкладках: советские плакаты 20-х годов

Алексей БРЯЧИХИН

ЗА ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И ДЕЛО

Мне как профессиональному партийному работнику представляется, что в нашем районе партийное дело сегодня столь же неопределенно, неясно и неавторитетно, как и повсюду в нашей стране. Такое положение дел — следствие, скорее всего, растерянности, консерватизма и отсутствия новых, адекватных реальной жизни страны поворотов в деятельности ЦК КПСС, его Политбюро, секретарей и аппарата. Завис главный вопрос — вопрос о месте и роли партии на современном этапе, вопрос о том, кому передается власть, если она вообще передается партией. Причем затяжка решения этого вопроса чревата не только для партии, но и для всей страны, ибо безвластие только усугубляет ситуацию. Давно очевидно, система в основном административно-командного управления партией всеми делами в стране, вплоть до распределения гвоздей, а если оставалось время, то еще и партийным делом, изжила себя в условиях перестройки и права на существование, если мы действительно хотим быть высокоразвитой страной, не имеет.

Если КПСС действительно не только по 6-й статье Конституции СССР руководящая партия и хочет ею быть, она теперь должна делом доказывать свое право на эту роль. И если мы не будем лидерами в полном смысле этого слова и не будем добиваться толковых результатов, если не возглавим народное движение в перестройке, а будем лишь декларировать это свое право, то мы вообще не будем иметь никакого авторитета. Напомню, что более половины опрошенных Институтом социологии москвичей считают необходимым статью 6 Конституции СССР отменить, а около 40 процентов из них вообще за многопартийность.

Любое государство, общество и коллектив должны управляться. И если мы все сегодня признали, что партия управляла неэффективно, что дальше так управлять нельзя, значит, эту власть или срочно и серьезно следует совершенствовать, или реально передать Советам.

Есть три рычага власти: кадры — кто назначает и снимает, у того и власть; экономические рычаги — управление экономикой через контролируемые кадры и выработка экономических — стратегических и тактических программ опять же через свои кадры; третий рычаг — идеология, причем не идеология как таковая, не идеология сама по себе, а овладевающая умами через средства массовой информации. Так вот — у кого все это в руках, у того и власть, которая формирует общественное сознание, общественные ориентиры, расставляет людей либо в интересах дела, либо в интересах своих собственных. Сегодня уже ясно — кадровые рычаги отходят от партии (например, утверждение министров на первом Съезде народных депутатов СССР), да и внутри партийных комитетов уже далеко не всегда решает вопрос вышестоящий орган, и на хозяйственные должности также уже далеко не всегда назначает партия, точнее партийный комитет, а еще точнее — его аппарат. Этот рычаг явно уходит. Убежден, что и конкретными экономическими вопросами партия не должна заниматься. Партия определяет стратегическую программу, стратегическую задачу, а уж вопросами тактики должны заниматься правительство, хозяйственные органы, сформированные Верховным ли, местным ли Советом.

Остаются политика, идеология — вот это дело партийное, но политика и идеология в их истинном понимании, а не только как руководство всеми средствами массовой информации.

При этом идеология выдвигается сегодня на передний план, и без этого никак нельзя, но надо, чтобы идеологи помимо теоретических разговоров еще имели возможность организационно обеспечить свои идеи, концепции и т. д.

Так вот, если партия оставляет в своих руках все эти рычаги управления, то тогда она должна найти формы реальной ответственности не только перед почти 20 миллионами коммунистов, а перед всем более чем 280-миллионным народом. Вот у нас в Севастопольском районе население составляет 300 тысяч человек, а коммунистов 19 тысяч. Ситуация, правда, странноватая — на пленумах, конференциях принимаем решения вроде бы только для коммунистов, но касаются-то они всех проживающих в районе. Парадокс еще и в том, что люди живут в одном районе, а работают в другом, и потому решения принимаются теми, кто в нашем районе и не проживает. Но раз решения приняты, то они касаются 300 тысяч жителей района. Стало быть, районный комитет партии просто обязан отвечать перед всеми.

Хотим мы того или нет, а этот вопрос коммунистам решать придется. Не решим мы, решат другие. Пока же настоящей активности, наступательности и примера со стороны ЦК КПСС, его Политбюро, секретарей и аппарата не видно, а, наоборот, кажется, что все в растерянности и заняли выжидательную позицию. Смущает нас и некоторая оторванность ЦК КПСС от партийных организаций, коммунистов.

Все материалы съезда, Пленумов и совещаний ЦК КПСС связаны одним: по-прежнему продолжается рассуждение, кстати, более безадресное, чем оно было в начале перестройки, о том, что не учли то-то, не сделали то-то, не опережаем, что первичные организации, районные, областные, республиканские комитеты КПСС не занимаются отдельными вопросами, не чувствуют, не подхватывают нового, а это новое ни в одном выступлении не было названо. Этого нового сам ЦК не демонстрирует, не обобщает и не показывает пример в этом нам. За явно низкие темпы уже практически пяти лет перестройки ЦК КПСС гласно никого из своих членов, Политбюро, секретарей и аппарата не наказал, а пока только идут уговоры, призывы. Оказывается, кроме нас, никто ни в чем не виноват и не отстал от жизни.

Думается, это неправильно, потому что возвращается прежняя схема. Критикуется все, как и раньше, сверху вниз, снизу разговоры идут, они действительно стали возможными, но в обратную сторону это не идет. Ответа на критику нет. Вопросы, которые ставятся перед ЦК, не решаются. На мой взгляд, ныне в средствах массовой информации и у обществоведов партийная жизнь и ее проблемы глубоко не освещаются и отодвинуты, несмотря на кризис, на задний план. Трудно понять, например, почему проходящий период учебы и становления нового советского парламента заполнил все и вся, а проблемам поднятия авторитета правящей партии отводится до обидного мало места. Следовало бы также не забывать, что кризис партии в СССР — это кризис коммунистических партий не только в социалистических стра-

А. М. Брячихин — первый секретарь Севастопольского райкома КПСС. Данная публикация — глава из его книги «За власть ответственности» (выпускается в издательстве «Московский рабочий»).

нах. Это кризис коммунистической идеологии, кризис социализма и его системы. Нужна срочная и четкая программа вывода партии из этого состояния, нужны по-новому думающие и работающие партийные лидеры, способные эту программу воплотить в жизнь. Пора бы определиться и с местом и ролью партии в новой системе управления страной.

Мы много слышим из выступлений наших видных деятелей, что на местах растерялись, на местах не знают. А что на верхах?

Что сегодня может предложить ЦК КПСС районной партийной организации, партии в целом, и не в плане общих деклараций и рассуждений о приверженности социализму или необходимости развития плюрализма, а в плане конкретных действий, ориентиров, которыми можно было бы руководствоваться как общим методологическим принципом.

Во всех случаях — и сейчас, и в период застоя так называемого — только поучали, говорили, что внизу не так работают. Скажем, представитель МГК ругал район, а на совещаниях в ЦК ругали горком. А что решает и что не получается именно в Центральном Комитете партии, вот таких отчетов и материалов нет. Что решает и что не получается в городском комитете, вот и этого тоже нет.

Любое общество должно кем-то управляться. Это азбучная истина, которая вроде бы всем ясна, но суть ее надо выстрадать. Вот и слышим сегодня на каждом перекрестке: «Долой партийное управление! Долой власть партии!» Но большая часть этих ораторов даже и не знает, чем занимается партия. Что такое управление и власть, как они — эти функции — реализуются? Каковы здесь, если хотите, правила? И где, наконец, эти специалисты и профессионалы — управленцы и политики, которые должны заниматься этой, пожалуй, самой ответственнейшей и сложнейшей работой? Мы тут опросили наших активистов — неформалов, кто хочет из них реально работать, управлять... и соответственно отвечать за положение и результаты дел в районе. И выяснилось, что критиковать, выражать острое и яркое неудовольствие хотят почти все, а делать дело лишь 16 процентов. Вот вам и подход. Мы всегда очень любили судить о вещах и событиях, в которых не разбираемся, а теперь это просто какое-то наваждение, все знают все и вся, все учат других, как им работать, причем нередко в свое рабочее время.

Слов нет, есть талантливые и способные люди, которых система и органы управления должны обязательно привлекать, выдвигать и растить на реальном деле. Но, согласитесь, что таких, как и в любой другой сфере деятельности, немного. Поэтому компетентность, взвешенность, ответственность и истинная гражданственность в суждениях и оценках очень нужны не только коммунистам, но и беспартийным. Это наше с вами государство, наш город, наш район, и мы должны понимать всю меру своей, если хотите, исторической ответственности прежде всего перед собой, близкими, детьми и внуками за свои действия и поступки, за наше будущее.

Что же мы имеем сегодня, несмотря на многочисленные и упорные призывы о разделении функций партийных, советских и хозяйственных органов? Да то же, что было и вчера и позавчера. Партийная работа, к сожалению, и сегодня мало изменилась. Райком партии вынужден по-прежнему непосредственно вмешиваться и в экономику, и в социально-бытовую сферу. Как и раньше, люди после примерно двухлетнего перерыва массовым потоком обращаются в райком по своим насущным житейским проблемам: нужно жилье, требуется ремонт, плохо работает торговля, медицина, в домах и подъездах грязно, подростки хулиганят, прорвало канализацию, нет тепла, шум от трамвая, мешают стоянки, мусоросборники и т. д. За последние месяцы количество таких обращений все возрастает.

Следующий вопрос, который активно поднимается,— это проблема взаимоотношений выборного актива и аппарата. Здесь надо помнить о том, что старая, прежде всего административная, система управления партийным делом в условиях всеядности функций (практически все вопросы, вплоть до того, где что чинить и что построить) десятилетиями формировала и создала тип партийного работника — администратора, а тип рядового коммуниста — исполнителя. При этом методы, формы, атрибуты и документы такого управления держались в строгой тайне и были недоступны не только беспартийным, но и даже многим коммунистам. Работала четкая схема: ЦК принял — горком и райком обсудили, а коммунист должен выполнять. Если сумел то ли выполнить, то ли отрапортовать — хорошо. Если не отрапортовал, то уже неважно, а уж если поссорился с вышестоящим партийным аппаратом, то совсем плохо. Учитывая, что глубокого спроса именно за партийное дело, по сути, не было, вот и старались, а некоторые партийные работники и сейчас стараются показать этакое всезнайство: что, где и когда? Графики завоза молока, даже в какой-либо отдельный магазин, где на стройке сколько рабочих (сам лично был), какой завод, что, сколько и по какому наряду недопоставил и т. д. Словом, необходим был партийный лидер, владеющий информацией, а то даже и слухами, но не думающий и не решающий узловые политические, проблемные вопросы.

Сегодня нужны политики и идеологи, умеющие понимать и убеждать людей, вникающие в их заботы и нужды, помогающие им.

И кто же сегодня движет партийное дело, каковы в основном чисто партийные методы работы? Начнем с аппарата райкома партии, где, как и везде, есть грамотные политические работники, есть и клерки. А ведь наши дела в немалой степени зависят непосредственно от личности. Если же брать как тенденцию по функциям, сегодня сложно назвать, кто сегодня партийный работник. Часть функций управленческих ушла, часть нет. И многие сегодня в ожидании, и хотели бы мы того или нет, многие и в растерянности. Партийные работники не знают, чем сегодня вообще по большому счету заняться. Мы пока независимо от идущих идеологических установок, от информации в печати, по сути, работаем по-старому. Вот один из примеров. В прошлом году партийные органы получили телеграмму от Генерального секретаря, что надо мобилизовать людей на уборку, прополку... сельскохозяйственной продукции. Почему опять партийные органы? Опять, с одной стороны, мы официально говорим, что партия не должна вмешиваться в хозяйственные дела, а с другой — поднимаем на это партию и вызываем у людей недовольство местными партийными органами: не понимают, дескать, их руководители перестройки. Не должно быть и не может быть такого. Президент страны должен был направить такую телеграмму Совмину, Верховному Совету республик и их просить заняться этим делом. Почему опять нужно, чтобы партия влезла с административно-командными методами в такую работу? Вот и думай, что такое политические формы работы. Хотя примерно и раньше так было. Слов о том, что надо укреплять политические методы работы, хватало всегда. А какие? Что это такое конкретно?

Что представляет сегодня из себя аппарат нашего райкома партии? Нас 38 ответственных работников, более половины из них в возрасте до 35 лет. Подавляющее большинство моих коллег пришли в райком в период перестройки. Нередко сейчас говорят, что, дескать, труд-

но найти на партийную работу человека — и зарплата у него мала, и положение нестабильное, и пресса замордовала...

Известно, что с октября 1989 года партийным работникам наконец-то, хотя и в довольно неприятное, сложное для партии время, повысили зарплату. Так, например, если первый секретарь райкома партии столицы до этого получал 390 рублей в месяц, то теперь это может быть 550—600 рублей. Это значит, что теперь в аппарат можно будет привлекать несомненно более квалифицированных, чувствующих новое и нестандартно мыслящих работников. Привлекать-то можно, но как быть с теми, кто уже работает? Оставлять их или нет?

В нашем райкоме поступили так. Хотя практически весь аппарат честно, исполнительно, добросовестно, и даже нередко без выходных, отрабатывал свою и прежнюю зарплату, партийная и профсоюзная организации вышли к руководству райкома с предложением: двенадцать из 38 работников до 1 января 1990 года будут получать старую зарплату. Одна часть из них, при нашем содействии, должна трудоустроиться, для другой — это будет испытательный срок. Секретариат райкома после беседы с каждым работником согласился с этим предложением, а бюро РК КПСС утвердило такое решение, установив одновременно тем, кто остается в аппарате, новую дифференцированную и более высокую зарплату.

Новые подход и принципы партийной работы требуют принципиально иного, нового аппарата и нового типа партийного работника. И теперь возникает проблема, кого брать в аппарат: технократов, экономистов, ученых, юристов, гуманитариев, неформалов?

Практика показала, что одинаково плохо, когда во главе партийных органов только технократы или, напротив, одни гуманитарии. Среди 33 первых секретарей районных комитетов партии Москвы весьма мало экономистов, строителей, далеко не все они имеют опыт хозяйственной работы. Мало среди нас и людей с основательным филологическим и историческим образованием. Но все-таки это не главное. Я убежден, что партийному делу сейчас, как, видимо, и раньше, прежде всего нужны думающие, знающие реальную жизнь толковые организаторы, и все равно из какой сферы. Очень нужны, если хотите, личность и талант. Нужны уважающие людей и компетентные в деле работники.

Интеллектуальные достоинства партии, ее нравственные приоритеты во многом будут определять ее реальное лидерство в обществе.

Авторитет партии — это и вопрос действенности рычагов власти, механизмов пользования ими. Сегодня ведь непопулярны не содержание и цели работы партийных органов и их представителей в руководстве ведомствами, отраслями и территориями, а преевшиеся стиль, формы и методы, излишняя опека аппарата и отсутствие форм его реальной ответственности не только перед коммунистами, но и, что не менее важно, перед беспартийными.

Возможно, в этом я консерватор, но здравый смысл, весь опыт развития мировой практики, безусловно, свидетельствуют: любой выборный орган без аппарата работать не может.

Всюду и везде нужно управление, власть. Сегодня — это партийное дело, а завтра власть отдадут Советам, будет управлять советский аппарат. И несомненно, если некоторые наши неформалы устоятся, то и они тоже будут создавать свои аппараты, будут реально бороться за власть. Они, кстати, и уже сегодня управляют как минимум своей организацией и ее делами.

Но вместе с тем независимо от того, у кого будет власть, есть еще один вопрос, который тоже надо безотлагательно решать. Сегодня

во всей остроте стоит вопрос о восстановлении партии как политической силы. О восстановлении понятия «партийный активист, комиссар». Не надо бояться поредения рядов партии, если человек не признает ее Программу и Устав, не заинтересован в ее работе, не может добиваться результата, такого человека нельзя держать в партии. Это ее дискредитирует и снижает ее авторитет.

Партийным органам пора начинать кардинальную перестройку своего собственного партийного дела, своей политической работы. Но повторюсь: занимаемся всем, кроме нее. Очень нужны четкие ориентиры в партийной работе и ее более притягательные и жизненные формы. Пора с учетом перестройки очертить более четкие и жесткие требования, предъявляемые даже пока действующими Программой и Уставом КПСС каждому коммунисту и каждой парторганизации.

Вот мы говорим, что среди нового, впервые вполне демократично избранного союзного депутатского корпуса 86 процентов членов партии. А все ли среди них настоящие коммунисты? Сомневаюсь. Иначе бы, начатая волею партии, перестройка не спотыкалась бы на каждом шагу, в том числе и в нашем парламенте. А она, к великому сожалению, спотыкается, потому что далеко не все депутаты, в том числе коммунисты, осознают, что реальная власть от партии уходит, надо брать ответственность за состояние дел на себя лично, а если и осознают это, то не хотят согласиться, смириться. А на сегодня это объективный процесс. Столь же объективный, как и то, что за долгие годы люди как-то смирились с примитивным отождествлением партии с партийным комитетом, а если точнее, то с его аппаратом, с его отдельными руководителями и личностями. Мы ведь и сами их к этому усиленно приучали. Ведь как только стоило кому-то усомниться в правильности решения, рожденного в недрах партийного аппарата, как тут же следовал убийственный вопрос: ты, дескать, что — против партии? И потому, когда я слышу, что вот, мол, партия полностью утратила свой авторитет, я это не приемлю. Мне кажется, нельзя все время кивать в целом на партию — партия не добилась того, партия прошляпила это. Всем известно, что объективно нужная стране перестройка началась по воле и по инициативе партии. Но я бы сказал, не всей партии, а ее лучших сил. И несмотря на это, думается, что и сегодня есть не столь уж слабые силы, тормозящие перестройку, пытающиеся вернуть ее на прежние рельсы. Есть такие силы, к сожалению, и в партии. Так можно ли из-за них говорить, что партия, дескать, тормозит позитивные процессы? Нет, конечно. Это не партия, а лишь ее какая-то часть, которая, кстати, состоит тоже из отдельных личностей.

Поэтому это не партия утратила авторитет, а ее лишь некоторые звенья, аппараты, ее отдельные конкретные члены, из которых и состоит вся партия.

Сегодня нам явно недостает крупных поворотных акций руководства партии, ясности стратегии и тактики, четких ориентиров роли и места партии в государстве и обществе.

Следующий активно поднимаемый сегодня фактически всеми вопрос: однопартийную или многопартийную политическую систему нам надо теперь иметь?

Я думаю, причем совершенно однозначно, что мы на сегодня даже партию, нашу однопартийную систему полностью не использовали. Ведь если партия внутри себя не может иметь разнообразие взглядов, обеспечить внутреннее саморазвитие, самосохранение, она не может ни развиваться, ни существовать. Закон диалектики — отрицание отрицания, борьба противоположностей. И оппозиция, разные мнения в са-

мой партии — это нормально. Мы уже достаточно настрадались от кажущегося бездумного единодушия. И я уверен, что стратегия партии оппозиции не вызывает. Альтернатива должна проявляться в отношении к тактическим вопросам и, еще я бы сказал, рабочим моментам. Такая оппозиция, предлагая альтернативные программы, пути и способы решения вопросов, будет лишь помогать поиску оптимальных вариантов. Партии, чтобы она развивалась, как раз и нужны различные оппозиции, и они фактически всегда существовали. Гласно, негласно — были! Хрущева-то, как теперь стало известно, ведь оппозиция свергла. И не потому, что ее не устраивали его методы проведения реформ, ее не устраивали сами реформы, направленные на слом административно-командной системы. У Брежнева вроде бы оппозиции не было, если не считать тех, кого мы и сегодня не знаем, или же части тех, кто считался диссидентами, инакомыслящими. Так вот, у него оппозиции не было, потому что всех устраивала созданная при нем система — от спокойствия, теневой экономики и всеобщей расхитиловки до очередной «железки» к очередному юбилею и всеобщего равнодушия. Где-то я читал, что главная привилегия, с которой никак не хотят расстаться представители и сторонники административно-командной системы,— это привилегия безответственности: принимать решения и не отвечать за их результат. Это ж как надо умудриться такую искусную систему создать! Ну а проявления сталинизма в функционировании репрессивного аппарата довольно успешно сводили на нет любые элементы оппозиционности. Отсюда сейчас и участие коммунистов в неформальных формированиях.

Это очень интересный и непростой вопрос. И вот тут я думаю, что мы просто формально относились и к Уставу, и к Программе КПСС. Ведь это же не запрещено ими. Тем не менее потребность изменений в этих программных основополагающих документах реально назрела. Вот скоро будет предложен проект изменений в Уставе КПСС, и, как я полагаю, изменения эти будут весьма и весьма существенные. Надо сделать так, чтобы коммунист на деле имел возможность выступить со своей точкой зрения или с предложением. Причем не только на собрании своей организации, но и на конференции или на партийном съезде.

А то ведь что получается? Вроде нонсенс — есть партия, есть Устав, где записано, что любой коммунист может добиваться и отстаивать свою точку зрения вплоть до ЦК КПСС. А зачастую этого никто не хочет! Почему? Да по разным причинам. С одной стороны — вот та уставная жесткость, жесткость привычная, административно-командная вроде как отучила человека от проявления своих мнений, и он замкнулся в себе, дескать, никому мое мнение не нужно, я в этой системе исполнитель. С другой — человек (а мы говорим о коммунистах) стал элементарно побаиваться — его за долгие годы приучили остерегаться и навешиваемых ярлыков, и активных противодействий. Так стоит ли удивляться, что коммунист и не стремился, так сказать, к официальному выражению своего мнения. Хотя, например, на XIX Всесоюзной партконференции проявились первые официальные ростки: те, кого мы привыкли называть рядовыми коммунистами, выступили весьма ярко и открыто, чем прямо-таки повергли в уныние и, видимо, в раздражение, а то и в ярость некоторых функционеров и привычных ораторов. Хотя участники партконференции, как и делегаты первого Съезда народных депутатов СССР, сами были, думаю, под огромным влиянием митингов и сами, впрочем, не избежали элементов митинговости. Разве не так? Но и Всесоюзная партконференция, и Съезды народных депутатов — это все-таки не партийное собрание в цехе или институте и даже не пленум горкома или райкома. Здесь все еще наличествует оглядка на президиум, где сидит руководство, при котором не каждый отваживается на полное выражение своего мнения, взгляда, позиции. А в так называемых неформальных организациях нет жесткой партийной дисциплины, основанной на страхе и побуждающей к осторожности. Здесь они независимы, и потому каждый высказывается откровенно и безбоязненно. И в этом нет нарушений партийного Устава.

Вот вам и альтернатива косности и приверженцам только административно-командной системы. А почему бы и нет? Но что значит конкуренция? Готовили мы в прошлом году районную конференцию — привычное вроде дело, но мы решили: давайте опросим коммунистов в первичных организациях, кого они хотели бы видеть в составе райкома, в бюро, на месте секретарей? Результаты этих опросов знали все делегаты — партийные активисты: были стенды с фотографиями, с биографическими данными. Были и альтернативные кандидатуры. И это тоже более чем нормально. Ненормально лишь то, что смотрим мы на это как на нечто из ряда вон выходящее. И если мы хотим, чтобы люди действительно почувствовали себя, почувствовали свою значимость, они должны не просто голосовать, а участвовать в выборах на всех этапах.

Сегодня нам явно недостает крупных поворотных акций руководства партии, ясности стратегии и тактики, четких ориентиров роли и места партии в государстве и обществе.

Игорь БЕСТУЖЕВ-ЛАДА

ВЫБОРЫ ПРОШЛИ. ЧТО ДАЛЬШЕ?

Как посмотреть, да сравнить...

Хорошо все-таки жилось депутатам в культово-застойные времена. Сиди подремывай на сессии под пустословные речи, не забывай только просыпаться, когда нужно аплодировать или сходить в буфет за дефицитом. Конечно, за все удовольствия в жизни надо расплачиваться. В данном случае — приемом избирателей. Но и тут без проблем. Из десяти посетителей девять всегда с одним и тем же: улучшение жилищных условий. При этом все понимают, что депутат, в отличие от господа бога, ни за шесть дней, ни даже за шесть лет не может создать что-то из ничего. Понятно, есть и другие жалобы-просьбы. Поможет депутатский звонок или запрос хоть в одном случае из ста более внимательно отнестись к человеку — и на этом спасибо. Не зря прожита депутатская жизнь.

Позавидовал условиям работы депутата местного органа самоуправления в крошечном южногерманском городишке масштабами меньше любого нашего жэка. Для него баварский ландтаг — не говоря уж о бундестаге — нечто вроде ООН,

---

И. В. Бестужев-Лада — доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РСФСР, заведующий сектором Института социологии АН СССР, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова.

и он в двух словах дал понять, что именно думает «об этих ребятах из Мюнхена» и где именно их видел. За четверть часа, пока поджидал его (он взялся сопровождать меня в монастырь по соседству, где стоит собор, не уступающий великолепием Страсбургскому или Миланскому), он принял, сколько помню, четырех своих избирателей. Одному без разговоров поставил визу на его прошении. С другим обещал разобраться позже, наведя справки. Третьему снял с полки томик законов и показал нужный параграф, после чего тот попрощался. Четвертого отправил на первый этаж к юрисконсульту. Все. Вот это и есть правовое государство, которое у нас пока впереди.

Не сказать, чтобы там была сплошная идиллия. Хоть это и жэк (в переводе на наши масштабы), но вместе с тем это — и самое настоящее государство. С парламентом, правительством, судом и несколькими партиями, которые ведут меж собой напряженную борьбу за голоса избирателей. Так что если бы мой провожатый проявил малейший намек на хамство по отношению к любому из своих посетителей, ему бы это горько аукнулось еще до следующих выборов. Есть там, наверное, и мошенники, и прохиндеи, и их жертвы. Но есть и четко огороженная арена борьбы: параграфы законов.

Заметим, что параграфов и у нас навалом. Но, во-первых, всегда не про то. Во-вторых, не разбери поймешь. В-третьих, на них все дружно плюют, каждый со своей колокольни. «Что ты мне тычешь параграф, когда хозяин сказал: квартиру — вне очереди», и весь сказ. Ясно, что та же самая сцена с четырьмя просителями у любого депутата любого из наших райсоветов разыгралась бы гораздо более забавно (не для просителей, разумеется).

Перед очами многих из новоизбранных депутатов сельсоветов, райсоветов, горсоветов, облсоветов и республиканских Советов колышется телевизионный мираж первого Съезда народных депутатов СССР летом минувшего года. Кое-кто уже пишет речи: думает удивить мир риторикой. Но если каждому позировать перед телекамерой — телеприемников не хватит. Да и чем удивлять? Живописанием безобразий недавнего прошлого? Сегодня это все равно, что жизнеописание царей Иоанна Васильевича и Федора Иоанновича. Попытаться стать новым Карамзиным, излагая Историю Перестройки Всесоюзной? Долго на трибуне не простоишь: «захлопают» задолго до половецких набегов на горячительные напитки или на нетрудовые доходы. Тряхнуть стариной и бодро отрапортовать о положении дел на сегодняшний день в родном колхозе? Или, наоборот, взять пример с некоторых общесоюзных депутатов и начать канючить с трибуны, выпрашивая разные поблажки своему совхозу? Можно предсказать наверняка, что в таких выступлениях недостатка не будет. Но какой от них толк? Рапортом наших тревог не успокоишь, а всем просящим подаяние с трибуны если подавать при теперешних обстоятельствах, то разве только камень в протянутую руку.

Вряд ли каждый депутат представляет себе действительное свое положение между наковальней избирателей и молотом отнюдь не демонтированной пока еще административно-командной системы. Даже двумя молотами: партийным «хозяином» района, области, республики и ведомственным «хозяином» предприятия, учреждения, организации. Точнее, в обоих случаях — «приказчиком» вышестоящего «хозяина». Избиратели истерику устраивают: нависла угроза над городским парком! Грозятся переизбрать, если будешь сидеть сложа руки. И переизберут ведь. Теперь это как пить дать. А «хозяин» говорит: «Цыц! Не твоего ума дело. Есть указание. Мы тут в президиуме посовещались и решили — парк пустить под гаражи для трудящихся обкома». А «приказчик» говорит: «Не кричи. У меня свое кричало есть — Минхимстройтяжсредмаш. На месте парка будет секретный объект вредного значения. С отселением близлежащих жилых кварталов». Вот и позавидуешь тем, кто не прошел на выборах.

Завороженные витийством трибунных ораторов, мы склонны забывать простую истину: Совет народных депутатов тем и отличается от театра, что в последнем главное — сцена, а что творится на репетициях и за кулисами, зрителя мало волнует, тогда как в первом «сцена», то бишь пленарное заседание, лишь намечает повестку дня и создает атмосферу для основной депутатской работы на «репетициях», т. е. в комитетах и комиссиях соответствующего Совета. Вот где по идее должна решиться судьба поставленного под вопрос парка. И городского, и областного, и республиканского, и общесоюзного. Судьба страны. Утопим наш парк в слюнях пустопорожних прений — будет вместо парка пустыня. Добьемся делового обсуждения, с привлечением экспертов и актива избирателей, а главное, с соответствующим постановлением и контролем за его выполнением — глядишь, и парк спасем, и рядом еще один соорудим.

Все зависит от того, какие проблемы будут вынесены сразу же на

заседания комитетов и комиссий народных Советов всех уровней, какие решения проблем будут предложены и будут ли они, эти решения, претворены в жизнь.

Рыба ищет, где глубже. А человек?

Перефразируя малопонятное нам латинское изречение: «Закон суров, но закон» (поскольку мы переводим последнее слово, как «ну и черт с ним»), можно сказать: административно-командная система самоубийственна, но система.

Иными словами, в ней сходились концы с концами, какими бы пакостными ни были концы. Например, постановили: мыла производить тысячу кусков в день, по двугривенному штука, и все переправлять из Бреста во Владивосток или еще дальше, а самим мыться скребками, получая по полтораста рэ на физиономию вне зависимости от штук мыла и скребков. И жили-скреблись в уверенности, что иначе быть не может, да еще вдобавок мылись мылом (краденым). Вышло послабление: мыла производи сколько какого хочешь по любой цене и сбывай его по своему разумению, а зарплату получай по совести — хочешь полтораста, а хочешь — сто. Но при этом все же все до единой штуки переправляй во Владивосток и дальше по двугривенному штука. Ребус! Кроссворд!! Шарада!!!

Думали, получив дозволенную вольницу, труженики мыловарни начнут производить не тысячу кусков в день, а миллион, и не по двугривенному, а по гривеннику, а сами (по совести) удовольствуются даже не сотней — всего лишь полусотней в месяц. И концы вновь сойдутся с концами на недосягаемом прежде уровне. Что оказалось? Опять же в переводе с латинского на русский «гомо сапиенс» означает «человек разумный», т. е. сообразительный. Будучи таковым, он стал производить не тысячу кусков, а всего сотню, зато не по двугривенному, а чуть ли не по червонцу, и переправлять их сразу дальше Владивостока, так что страна осталась без мыла вообще, зато каждый мыловарник назначил сам себе не полтораста и не сто, а для начала триста с последующим удвоением каждую секунду. В результате на шальные деньги быстро скупили все скребки, и теперь нескупившим вообще нечем ни помыться, ни поскрестись.

Теоретически ребус разгадывается очень просто: установи, сколько штук надо переправлять во Владивосток по двугривенному в порядке своего рода продналога (с учетом, что этот город перестал быть закрытым, и с сомнением, надо ли что-нибудь переправлять дальше, раз сами немытые), а далее производи, сколько хочешь, почем хочешь и выручку клади себе в карман. По-ученому это называется «региональный хозрасчет». Но так как по-неученому в это новое понятие вкладывается старое содержание (производи сколько хочешь, но все отдай задаром), то каждому депутату, в каком бы Совете он ни заседал — в сельском ли, районном, республиканском или всесоюзном,— придется теперь ежедневно прилагать титанические усилия, чтобы еще раз в истории нашей страны перейти от варварства продразверстки (теперь уже и промразверстки) к цивилизации продпромналога.

Повторяем, что это придется делать на всех уровнях законодательной власти, потому что в нашей стране вот уже тысячу лет каждый закон что дышло: куда повернешь его в каждом, отдельно взятом, колхозе или промкомбинате, туда и вышло. И надо, в буквальном смысле до зарезу надо, чтобы всюду выходило в сторону роста производительности труда, повышения качества продукции, вообще эффективности общественного производства, и ни в какую другую. При строгом соблюдении общих для всех законов в Союзе, республике, области, районе, на предприятии и т. д.

Кто будет устанавливать законы и следить за их исполнением, отлавливая хищных щук — закононарушительниц и давая вырасти подающим надежды малькам? Ведь прокурор — это когда уже уголовщина. А когда безобразничают — хищничают вполне респектабельные директор завода, председатель колхоза и иные «хозяева» нашей жизни, то нет на них иной управы, кроме комитета — комиссии соответствующего Совета народных депутатов (с привлечением и прокурора, разумеется, если потребуется).

На наш взгляд, обеспечение скорейшего перехода от варварства к цивилизации в распределении произведенных благ (и соответственно стимула роста их производства) — важнейшая, ключевая задача Советов народных депутатов всех уровней, от решения которой полностью зависит успех решения всех наших остальных проблем. И, стало быть,— главное в жизни каждого народного депутата.

Обеспечение строгой трудовой дисциплины на каждом предприятии (теперь уже не администрированием, а кнутом и пряником эффективных стимулов труда), обеспечение строгой производственной дисциплины технологий, стандартов и поставок должно по идее привести к стабилизации экономики и последующему отрадному экономическому росту. Образно говоря, это поможет нам быстрее упереться в дно трясины, куда мы пока что погружаемся, и начать мало-помалу выбираться из нее. Но как быть сегодня, сейчас, пока продолжается «погружение» и пустые магазинные полки, так сказать, пустеют еще больше с каждым днем?

Разум (и сама суровая жизнь) подсказывает единственный выход: нормирование того, без чего человеку не прожить. Французы говорят в сходных случаях: на войне как на войне. Но так как наше правительство с застенчивостью девицы на выданье категорически отказывается превратить царящее в стране карточное бессистемье в сколько-нибудь разумную систему, эта задача — повторяем, императивно диктуемая самой жизнью,— ложится на плечи народных депутатов всех уровней. В самом дальнем селе и в самом близком городском микрорайоне именно народные депутаты (больше некому!) должны установить, сообразуясь с местными обстоятельствами, «выбрасывать» ли дефицит в открытую продажу, заранее зная, какой подарок делают они этим теневой экономике, распределять ли его по предприятиям, по талонам или еще как-нибудь. Иначе злоупотребления истощат терпение избирателей, которое ошибочно кажется беспредельным.

И понятно, настойчиво требовать от союзного правительства поменьше ханжеской застенчивости и побольше трезвого разума в таких делах.

Никакой региональный хозрасчет и никакая государственная деятельность депутатов невозможны, пока остается неразбериха в разделении законодательной, исполнительной, судебной и партийной власти, пока вместо законности царствует патриархальная авторитарность сугубо личных отношений, пока не разграничены сферы компетенции Союза, республики, области, района и села (микрорайона). Конечно, здесь надо поторапливаться с соответствующим законотворчеством, иначе так и будем, на смех всему свету, препираться, чье постановление «сильнее». Но необходимо уяснить себе одно: если Советы народных депутатов нижестоящих уровней останутся лишь «приводными ремнями» для претворения в жизнь решений, принятых на вышестоящих уровнях,— добра не жди: нижестоящие окажутся полностью деморализованными, начнут разлагаться заживо и испустят дух в бесконечных «бунтах» против вышестоящих. Ибо не может никакой государственный деятель, заслуживающий этого названия,— даже если это просто управдом,— играть роль мальчика на побегушках у кого бы то ни было. Он быстро превращается из государственного деятеля именно в такого вот мальчика с поистине страшными для страны последствиями.

Разум и жизнь подсказывают прямо противоположный порядок. Каждый председатель районного Совета народных депутатов в рамках своего района должен быть так же компетентен и авторитетен, как глава государства в рамках Союза республик.

Мы уже сумели перейти (хотя бы в общественном сознании) от варварской формулы «запрещено все, что не разрешено» к цивилизованной формуле «разрешено все, что не запрещено». Мало того, прямо предписано законом. Логически развивая эту формулу, мы должны прийти к положению, когда каждый район — да что там район, нет, каждый микрорайон, последняя деревня — должен быть полностью суверенным во всем, кроме тех полномочий, которые он делегировал наверх, в область. То же самое касается области по отношению к республике и республики по отношению к Союзу республик. Разрешено все, что предписано местными постановлениями, что не запрещено постановлениями Совета народных депутатов вышестоящего уровня (при возможно более полном учете мнений депутатов нижестоящих уровней),— так и только так должен стоять вопрос.

Все это накладывает на каждого члена всего депутатского корпуса страны сверху донизу огромную социально-политическую ответственность. Особенно пока не подоспело запаздывающее законодательство по конкретным вопросам управления страной и ее регионами.

Пока что довольно тревожно выглядят: смешение в деятельности Советов народных депутатов собственно законодательных и каких-то малопонятных распорядительных функций, подменяющих исполнительную власть; совершенно недостаточная подотчетность исполнительной власти перед законодателями; фактическое отстранение судебной власти от действенного контроля над деятельностью властей законодательных и исполнительных разными промежуточными инстанциями.

Много было пустословных разговоров о недопустимости многопартийности. При этом последняя, видимо, понималась так, что якобы рядом с обкомовским дворцом среди развалюх воздвигнется еще один или даже еще два-три таких же, а рядом с обкомовской спецстоловой и спецполиклиникой появится целая спецярмарка. Ясно, что это недопустимо. Но жизнь протерла глаза пустословам. Появились фронты и союзы, в которых значатся члены одной и той же партии, но в которых только слепой может не видеть реальную многопартийность.

Теперь весь вопрос сводится к тому, образуется ли в Советах народных депутатов на всех уровнях дикая групповщина, две или несколько «команд», грызущихся меж собой за «теплые места» на совершенно беспринципной основе, как это имеет место на идеализируемом нами сегодня «диком Западе», или мы признаем, наконец, реальность жизни в виде реально существующих или неизбежно возникающих политических организаций (назовем ли мы их партиями, фронтами, союзами, ассоциациями или хоть горшками — безразлично), которые начнут бороться за голоса избирателей на различных политических платформах по конкретным жизненным проблемам. И не только по стране в целом, а и в последнем сельсовете. Скажем, строить мост или отремонтировать на те же средства школу. Или: сохранить в названиях улиц имена политических проституток, опозоривших социализм, либо сменить их на что-нибудь менее скандальное.

От того, насколько цивилизованно развернется политическая борьба в Советах народных депутатов всех уровней и за их пределами по актуальным конкретным проблемам жизни общества, во многом будет зависеть облик нашей страны в обозримом будущем. А проблем таких — хоть отбавляй, и они вовсе не укладываются в прокрустово узкоэкономическое ложе правительственной программы.

Не рублем единым

Одно из самых кошмарных наследий реализованной утопии казарменного социализма, о котором все чаще заходит речь в печати,— чудовищные диспропорции в производственной структуре общества.

С одной стороны, полдюжины миллионов официально признанных безработных (неофициально — вдвое, если не втрое больше), причем большинство из них отнюдь не рвется ни на какую работу, сидючи на шее родителей — владельцев

приусадебных участков, получающих баснословные доходы за свою продукцию по сверхвысоким монопольным ценам. С другой стороны — растущие миллионы лимитчиков, в том числе и из-за рубежа, что создает жуткие по своей напряженности политические проблемы.

С одной стороны, двухметровый гренадер, косая сажень в плечах, с румянцем во всю щеку, торгующий сезонными билетами у входа в столичное метро или объегоривающий простодушных приезжих игрой в «наперсток» на московском рынке, томящийся от безделья за «избыточным» конторским столом или просто часами подпирающий плечом ближайшую подворотню. С другой — изможденная мать семейства, волокущая тяжеленную шпалу, крутящая с утра до вечера машинку, отстаивающая всю смену на полную катушку в горячем цехе или перелопачивающая ежедневно собственноручно монблан навоза на ферме.

И все это безобразие совсем недавно именовалось «развитым социализмом».

Достаточно одного-единственного, но современного завода-автомата с какой-нибудь сотней обслуживающего персонала, чтобы завалить всех наших женщин до ушей проклятыми, вечно рвущимися колготками. Еще одного — исчезнувшими бюстгальтерами. Еще одного — любыми джинсами. И так далее, вплоть до мебели, холодильников и телевизоров. Достаточно бригады добросовестных квалифицированных строителей из десятка человек, чтобы каждые три-четыре месяца тысяча семей справляла новоселье. И на все про все это удовольствие — от колготок до квартиры — требуется, как показывает мировой опыт, не более двадцати процентов работников (вместо наших шестидесяти). Но вот вопрос: куда же девать в таком случае тысячу министерств с их бесчисленными конторами, где с утра до вечера идет лихорадочная гонка за «статотчетностью», перемежаемая более или менее идиотическими «ценными указаниями», разваливающими народное хозяйство.

Вот чем придется заниматься в первую очередь Советам народных депутатов всех уровней, начиная с сельского и кончая общесоюзным. Здесь очень важно взвешивать последствия намечаемых и тем более принимаемых решений. Любая кампанейщина тут смерти подобна. Начнешь огульно «искоренять бюрократию» — развалишь к чертям все хозяйство в районе, области, республике, стране. Начнешь насильно загонять двухметровых гренадеров в коровники и горячие цеха — остановятся цеха и передохнут последние коровы.

Предприятие переходит на хозрасчет, и коллектив, понятно, первым делом начинает избавляться от сидящих на его шее «избыточных». Теперь ведь им придется платить не из государственного (т. е. как бы ничейного) кармана, а из своего собственного! Кого же начинают гнать в первую очередь? Естественно (хотя и противоестественно), матерей с малолетними детьми. Тысячами сегодня. Миллионами завтра. И в самом деле, кому они нужны, горемыки, вечно бюллетенящие по уходу за ребенком, вечно рвущиеся к телефону, чтобы узнать, не проглотило ли их чадо ложку или не спалило ли ненароком дом? Родному коллективу точно не нужны. А вот государству, обществу — до зарезу. Ведь если они сегодня плюнут на своих чад, начнут перевыполнять планы и досрочно построят коммунизм, то завтра некому будет жить при этом коммунизме, а мы с вами, сирые и убогие, скончаемся в страшных муках при первой же болезни под старость под ближайшим забором, потому что некому будет нас обихаживать, даже если у каждого из нас пенсия перевалит за миллион.

Разум подсказывает категорическую необходимость освободить от бессмысленного просиживания стульев в бесчисленных конторах по заготовке рогов и копыт — и уж тем более от таскания шпал — хотя бы те оставшиеся двадцать процентов женщин, которые еще способны производить на свет божий более или менее здоровое потомство. Освободить цивилизованно, не просто поганой метлой из конторы или цеха, а с достаточно высоким пособием на первые три года после рождения ребенка, как этого требовали еще прошлым летом бастовавшие шахтеры. Желательно бы еще лет на семь половинную рабочую неделю при полном окладе (либо с половинной же зарплатой, но достаточно высоким пособием на ребенка), с тем чтобы вторую половину недели мать

проводила нянечкой в детсаде или помощницей учительницы по внеклассным занятиям в школе.

Кто-то при таких условиях заведет три-четыре ребенка и посвятит себя целиком семье. Что ж? Она уравновесит тем самым бездетных и однодетных, поможет сохранить нормальное воспроизводство населения, не допустив выморочности целых областей, да к тому же закроет важную брешь в растущем «разрыве поколений», который грозит обществу полной катастрофой. Разве это не стоит хотя бы минимальной зарплаты плюс всего, что имеет воспитательница детсада или учительница начальной школы?

Мы знаем, что сегодня один директор или председатель за другим — из наименее близоруких — явочным порядком вводит различные льготы для своих работниц, которые, как раньше было принято говорить, оказались в интересном положении (сегодня оно вовсе не интересно). Вплоть до оплаченного трехлетнего отпуска за счет предприятия. Но подумал ли кто-нибудь, каково женщинам, когда одной — все, а другой — ничего, и только потому, что они работают на разных предприятиях? Ведь это похуже, чем наша вопиющая система алиментов, при которой одна огребает полтораста-двести в месяц, а сотня ходит годами с протянутой рукой за двадцаткой.

Из сказанного с достаточной очевидностью проистекает вывод, что заслуживает сурового общественного порицания тот районный Совет народных депутатов, не говоря уже об областных и республиканских, в котором не начнет деятельно функционировать комиссия по вопросам стабилизации разваливающейся на глазах семьи. С пониманием, что наше государство — как бы это помягче сказать — ну, скажем так: недостаточно состоятельно, чтобы как следует помочь всем становящимся на ноги семьям. И что спасение утопающих в данном случае не должно быть делом рук самих утопающих, как сейчас, а хоть отчасти делом народных избранников, изыскивающих для этого различные местные средства. А также с пониманием, что во многих отношениях дело здесь сводится не столько к средствам, сколько к упорядочению использования хотя бы того немногого, что имеется в наличии.

Подчеркнем особо, что от результатов деятельности названной комиссии зависит не только счастье в личной жизни многих семей подведомственного ей региона, но и в самом прямом смысле судьба страны, судьба народа в обозримой перспективе ближайших десятилетий. Так что эта проблема, если быть достаточно дальнозорким, не менее важна, чем, скажем, проблема конвертируемости рубля.

Или возьмем вопрос с нашим народным образованием в широком смысле: от детсадов до вузов. Все знают, что в его настоящем виде оно полностью несостоятельно. Тут двух мнений быть не может: его еще пятнадцать лет назад признали выжившим из ума, семь лет назад приговорили к реанимации. Но сказать, будто реформа уже состоялась и нашими школами не нахвалишься, было бы преувеличением. Да и чего иного можно ожидать, если школы — вот они, налицо, и других в этом тысячелетии вряд ли будет особенно много. И наши будущие Ушинские-Сухомлинские, которым мы создадим достойные педагога условия работы и которые совершат благотворный переворот в педагогике,— они все поголовно сидят еще на горшках по своим детсадикам. Так что приходится целиком полагаться на тех, кто есть в наличии. С соответствующими учениками и их родителями.

Как быть при таких обстоятельствах? Тут многое зависит от деятельности районной, областной, республиканской комиссий по народному образованию. Будут депутаты сложа руки терпеливо ждать вестей

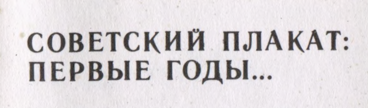
из Москвы, от Кобры (Госкомитета по народному образованию), от АПН (не агентства печати «Новости», а Академии педагогических наук) — так и будем сидеть с нынешними детсадами, школами и вузами до пришествия третьего тысячелетия и дальше. Проявят комиссии должную активность, обопрутся основательнее на педагогические общества (с привлечением родительской общественности) — в принципе можно, как показывает опыт, дать всем или почти всем детям 3—6 лет приличное дошкольное (!) образование, наладить учебу в школах так, чтобы она была и учащимся в радость, и обществу на пользу, упорядочить подсистемы переподготовки кадров и общего самообразования взрослых, развернуть как следует учебное кино, ТВ, компьютеризацию школы, развернуть систему самоуправления в учебных заведениях и тем самым — процесс нормального взросления подрастающего поколения. А там, со временем — кто знает? — может быть, и поднимем всю систему народного образования до уровня, которого можно перестать стыдиться.

То же самое можно сказать о нашей системе (точнее, опять-таки — бессистемье) учреждений культуры и здравоохранения. Найдется ли сегодня в стране хоть один человек, довольный состоянием газетного, журнального, книжного дела, радио- и телепередач, театра и кинематографа, музеев и клубов? До недавних пор все валили на бездушных и безголовых бюрократов. Их наследие во всех областях культуры чувствуется и до сих пор. Но сваливать все наши сегодняшние горести и болести в сфере культуры на одних только бюрократов так же наивно, как и полагать, будто какой-то творческий коллектив — будь то редколлегия журнала, съемочная группа или театральная труппа — может в одиночку вывести литературу, ТВ, театр, кино, музей из состояния перманентного кризиса. Здесь всюду необходима прочная опора на общественность. На организованную общественность. А что может быть лучше организации (не путать с заорганизованностью) в этом деле, чем соответствующая комиссия или даже подкомиссия Совета народных депутатов, подкрепленная общественным активом?

Посмотрите, в каких мучительных предродовых схватках рождается у нас цивилизованное здравоохранение, позволяющее хорошо лечиться без взятки бюрократическому монстру в белом халате, который все время что-то пишет, не глядя на больного, и без поборов со стороны медицинского лжекооператора, понимающего обычное врачебное «раздевайтесь, больной!» в чересчур буквальном смысле. Помочь существующему здравозахоронению превратиться наконец в действительное здравоохранение при существующих условиях способна, на наш взгляд, только соответствующая комиссия Совета народных депутатов, и только она.

Наверное, излишне распространяться о роли Советов народных депутатов в нормализации обеспечения населения жильем в городах и весях страны. Пока этим будет командовать бюрократ — так и будем сидеть еще тысячу лет в очереди на квартиру при тысячах пустующих квартир и при неизвестно откуда (точнее, хорошо известно откуда) пролезающих вне очереди прохиндеях, меняющих без конца лучшую квартиру на еще более лучшую. Пока будем вотще вопиять о позоре полицейского регулирования права на жилье пропиской — так и будет слышаться плач на реках вавилонских без каких-либо результативных последствий. Пора, давно пора переходить от диких командно-административных методов распределения жилья к цивилизованным экономическим. Но кто даст импульс такому переходу? Бюрократ, что ли? Нет, только народные депутаты в органическом единстве с общественностью.

Излишне распространяться и о роли Советов народных депутатов в

СОВЕТСКИЙ ПЛАКАТ: ПЕРВЫЕ ГОДЫ...

Неизв. художник.
Все на помощь голодающим. 1921

М. Черемных (?). На борьбу с последствиями голода. 1923 (?)

М. Черемных. Фронт и тыл одна семья, надо фронту дать белья! 1920

ФИП. Рабис — фронту. 1920

деле спасения на глазах гибнущей природы, с заведомо катастрофическими последствиями для общества. Лютые супостаты природы в лице печенега-директора, гонящего план «любой ценой», и половца-обывателя, всегда готового наплевать в колодец, из которого пьет, не одолимы ни публицистикой, ни угрозой судебного преследования, ибо известно его бессилие, ни собственной совестью (поскольку не знают, что это такое). Единственное, что может остановить того и другого,— это перспектива быть вызванными на соответствующую комиссию Совета народных депутатов, откуда должна вести прямая тропа на скамью подсудимых.

И коль скоро мы заговорили о преступлениях против природы, логично напомнить и о преступлениях против людей. Можно ли сбить волну преступности? Да, если будет обуздано повальное пьянство. Только не километровыми очередями и не вздорно высокими ценами, которые лишь поощряют самогоноварение, а целой системой давно разработанных мер, рассчитанных на долгосрочную перспективу,— экономических, досугово-культурологических, наркологических, правовых и др. Да, если будет обуздана всемогущая сегодня теневая экономика. Только не тюрьмой для одного проворовавшегося продавца и Почетной грамотой для другого, а пониманием, что это особая экономика, и, опираясь на это знание, действием наверняка. Да, если вместо сегодняшней милиции, набираемой по давнему нашему принципу «числом поболее, ценою подешевле», будет действовать имеющаяся во всех цивилизованных странах мира очень эффективная муниципальная полиция, комплектуемая по прямо противоположному принципу. Да, если вместо нынешнего нашего уголовного комикса будет действовать настоящий Уголовный кодекс. Наконец, да, если вместо наших почтенных матрон с тяжеленными хозяйственными сумками в руках и с красной повязкой на рукаве, где значится, что это якобы «народный дружинник», будет создана высокоэффективная гражданская гвардия, способная прийти на помощь милиции, если той не удастся отловить последнего оставшегося бандита.

Кто организует все это на уровне республики, области, района? Не вижу другой организации, кроме соответствующей комиссии соответственного Совета народных депутатов.

Как видим, у настоящих депутатов настоящего самоуправления хлопот намного больше, чем дремать на сессиях и бегать в буфет за дефицитом. Мало того, как видим, облик нашей страны в близлежащие месяцы и годы будет в значительной степени зависеть именно от того, останутся ли депутаты дремлющими или проснутся, наконец, как подобает истинным государственным мужам (и женам) в нелегкое для страны время.

Герб, флаг и, может быть, даже гимн

Когда мы говорим о местном патриотизме, мы относимся к нему с величайшим презрением, то и дело путая его с патриотизмом квасным, хотя это очень разные вещи. Можно очень любить свою Родину, понимая под ней Союз Советских Социалистических Республик. Тосковать о Родине, как и о всякой любимой, оказавшись вдали от нее. Умирать от тоски по ней, когда нет возможности припасть к ее земле. Посвятить ей жизнь и, не колеблясь, пойти за нее на смерть. Однако в отличие от любимой женщины (или соответственно любимого мужчины) это вовсе не мешает любить свою Родину, понимая под ней родную республику, отчий край, родимый город, село, деревушку, даже просто отчий дом. Напротив, одно как бы подразумевает другое.

Мы ухитрились напрочь перечеркнуть родимые края и отчие дома, заменив их некоей абстрактной необъятной «родиной», по которой якобы человек проходит как хозяин. Однако для одного, отдельно взятого хозяина такая «родина» оказалась чересчур необъятной, и он начал относиться к ней свински потребительски. Крик души трех чеховских сестер «в Москву, в Москву, в Москву!» отдался эхом почти трехсот миллионов отнюдь не чеховских сестер и братьев, принявших противоположный смысл и дополнившись кликами «в Киев, в Ташкент, в Улан-Удэ!». Все остальное стало в глазах людей сплошным Урюпинском, не только любви, но даже простого внимания не заслуживающим.

Позвольте, а как же быть с Елабугой, Моршанском, наконец, с моим родным селом Ладой, которое я люблю не меньше Москвы? Ведь без елабужского, моршанского, ладского патриотизма, как показывает горький опыт, патриотизм советский становится звуком пустым. Нет, «вольный город» (он же — «открытый город»), о котором столько говорится в последнее время,— это, должно быть, не просто конвертируемая валюта и необязательно шастающие проститутки, а прежде всего — чувство собственного достоинства, достоинства каждого, отдельно взятого, города и села. Каждого оставшегося в живых города и села.

Пусть над горсоветом или сельсоветом рядом с флагом республики гордо реет штандарт или там, скажем, хоругвь данного города или села. Пусть на всех печатях и во всех сувенирных киосках красуется городской или сельский герб. Можно даже в торжественных случаях, вслед за общесоюзным и республиканским гимном, грянуть гимн местного значения. Главное — в другом, в том, чтобы в каждом горсовете, райсовете, сельсовете заседал самый настоящий парламент, чтобы городом, районом, селом управляло ответственное перед ним местное правительство, чтобы правосудие вершил местный суд, отвечающий не перед «вышестоящей инстанцией», а перед законом, наконец, чтобы все три власти полностью зависели от волеизъявления избирателей, то бишь населения данного города, района, села, которое чувствовало бы себя более независимым, чем население княжеств Андорра, Монако и Лихтенштейн, вместе взятых.

И это — вовсе не анархия, вовсе не призыв пренебречь законами, которые устанавливаются одинаково для всех на областном, республиканском, общесоюзном уровне. Просто пора перестать видеть в области некоего унтера Пришибеева для районов, в республике — «начальство» для областей, в Союзе республик — что-то вроде ставки верховного главнокомандующего в невоенное время. Все должно быть наоборот: область играет координационную роль, обслуживает районы (согласитесь: обслуживать и командовать — два разных глагола), республика играет ту же роль в отношении областей, Союз — в отношении республик. И все, вместе взятые, обслуживают человека, гражданина страны, жителя данного города или деревни, просто Человека, который теоретически давно уже звучит гордо.

Пора бы ему зазвучать гордо и практически.

Вот в этом мы видим сверхзадачу Советов народных депутатов всех уровней. И от того, как именно она будет решаться и насколько будет решена, полностью зависит облик нашей страны 90-х годов XX века.

А также грядущего тысячелетия.

Владимир КУЗЬМИН

РАСПРЕДСИСТЕМА СОЦИАЛИЗМА, КРИЗИС И НТР

Платить придется всем!..
Все хлопали.

(Из предвыборного выступления в феврале 1989 года депутата и экономпублициста)

Мечты о потребительском рынке в реанимации. Итог попытки строить его за счет бедных. Нигде в развитых странах люди не выбирают между мясом и видео, хлебом и туфлями.

Арифметическим анализом обосновывалось, что питание у нас дешево, а промтовары дороги. Знатоков рынка не смущало, что, когда за «Волгу» готовы платить 25—35 тысяч, а за мебельным гарнитуром стоят ночами, значит, они очень дешевы. Их также не останавливало, что предлагаемый ими рынок попросту бессмыслен, когда 80—85% населения тратят 90% доходов на самое необходимое и главное: 50—100% на питание (сопоставимая доля на Западе — 25—40%), если, конечно, не ставить целью изъять средства у нижних слоев, одновременно улучшая доступ к товарам и услугам для высших, мало что принеся государству.

В каждом обществе предметы первой необходимости стоят столько, сколько они стоят, ибо этот вопрос решается не экономически, а социально. Каждое общество (и каждое время) имеет свой перечень необходимого.

В истории хорошо известны случаи соревнования за «черняшку» — им сопутствовали социальный катаклизм и технологический тупик. Конкурирующие за биовыживание массы не способны стимулировать производство, выходящее за удовлетворение простейших нужд. Лабораторно чистый опыт такой ситуации: «норма-пайка», или «трудодень-палочка», высочайшая интенсивность труда и кайло, тяпка, тачка — в качестве технологической единицы десятилетиями. Ни космос, ни военно-промышленный комплекс, ни даже великий технологический прорыв военных лет не стали детонаторами НТР. Только сытое и здоровое население может хотеть и делать нечто сверх необходимого и в незатухающем количестве.

Там, куда мы ходим за примерами, от 55 до 85% населения — «средний класс», внутри интервала доходов которого сосредоточено массовое потребление (предложение), притом отнюдь не автоматически. То есть нет не только рынка для бедняков, но и буквального рынка для средних. Различие потребления определяется не разрывом в ценах, а многообразием предложения (и потребностей). Качественное отличие нашего среднего класса (и богатых тоже) не в сравнительной мизерности доходов, а в отсутствии многообразия потребления. Там, где у них сходство доходов, у нас сходство натурального потребления.

Критерий нашего распределения, а следовательно, и производства: удовлетворение всех одинаковым набором благ. Задумка была правильной, когда потребности исчерпывались двумя десятками наименований: телогрейка, сахар, сапоги, букварь и т. п. Сегодня при опросах о книгоиздании 80% высказывается за сокращение наименований в пользу роста тиража, уменьшая свой шанс получить желанную книгу, но гарантируя одинаковость с соседом. Удовлетворяя такой тип спроса, мы затратим десятилетия и погубим леса, а мир перейдет к иным носителям информации. Или другой пример: «принудительность» всеобщего среднего образования для тех, кто учиться не хочет. Стиль и традиция планирования «от достигнутого» зародились и диктуются вульгаризмами о равенстве, десятилетиями укорененными в общественном

сознании. Бич общества — социальная зависть — инициируется не доходами, которые в глаза не бросаются, а их воплощением в блага.

Очевидно, что массовость и многообразие одновременно невозможны. НТР есть функция обмена идеями. И сами идеи, и обмен есть функция многообразия. Перед нами выбор: НТР или равенство натурального потребления. Третьего нет. Если мы не кончим с этой архаикой, она прикончит нас как цивилизованный этнос.

Перспективой отсталости сегодняшняя распредсистема не обойдется. Сугубо эмпирически явно, что нам грозит отнюдь не финансово-экономическое потрясение (крах биржи, спад производства, падение спроса, лавина банкротств, семизначная безработица и прочее из другой системы понятий... а денег мы напечатаем, сколько захотим), но социальная судорога.

Ни одно повышение цен за последние 15 лет не вызывало столько злобы, сколько за неделю накапливается в очередях. По экспоненте растет мешочничество. Покупки есть, деньги потрачены, но удовлетворения нет. Бюджет бедных без конца дырявится ажиотажными закупками. Колоссальное количество продуктов гибнет на базах и в кладовках, де-факто ставших спецраспределителями. Углубляется эрозия морали: престижность занятий определяется наличием распределительной кнопки при них. Труд, сравнимый с затратами в общественном производстве, уходит на борьбу в распределении. Отнятый у быта, детей, приработка, образования, прямых трудовых функций. Стоит вопрос об отоваривании воровских и иных неправедных миллиардов, которые из факта счета (потенции) актуализируются в реальное могущество.

Предлагаемый рост закупочных цен мгновенно снизит производство, ибо для удовлетворения консервативного потребления дохода производителей и так будет хватать.

Нет реальных шансов отрегулировать кооперативную деятельность, поскольку государство не знает, что сколько стоит и не конкурирует с кооператорами ценой — государственной продукции сходного назначения фактически на рынке нет: она либо раздается по карточкам, либо оказывается на черном рынке, где действительно побивает кооперативную по ценам.

Организация оптовой торговли при отсутствии заметного потребительского рынка окажется подобной вскрытому ныне порочному производству для производства, то есть положительно не скажется на потребителях. Продолжающаяся перекачка богатств из одних рынков страны в другие потребует регионального протекционизма и повлечет ответные административные ходы вместо того, чтобы одной игрой цен предотвратить введение региональных валют или спасти от деградации столицу, притом оставив деньги в трех краях, где они заработаны.

Предложения, как расширить рынок, выглядят довольно комично, а то и безответственно. У академика есть деньги, но ему не нужен трактор, а у арендатора денег пока нет. Квартиросъемщики при деньгах — члены ЖСК, а остальные не поспешат выкупать жилье (помимо отсутствия лишних денег и неблаговидности попытки всучить за плату уже оплаченные нами квартиры, ибо государство, как выяснилось, не дает ничего, предварительно не забрав средства у нас же; собственность, оплаченная через 50 лет, будет нулевой, так как дома эти просто развалятся). Продажа миллионов садовых участков скоро захлебнется ввиду отдаления от городов, дефицита стройматериалов и автомобилей. После стимулированного налаживания самогонопроизводства эффект от нормализации торговли спиртным окажется весьма скромным (слишком низкие цены надо установить, чтобы удавить самогонщиков). Импорт колготок, кофточек, обуви, штанов и т. п. не создает общественного богатства (в отличие, например, от импорта автомобилей, персональных компьютеров, домов, даже издательских прав) и требует практически постоянного воспроизведения. Продажа акций в руки мафиози нежелательна; продажа акций богатым рабочим может быть привлекательна при больших дивидендах, но при этом сокращается стимул к труду, поскольку очень мало людей, подобно, скажем, публицистам, работает для удовольствия.

Императив «по труду» так и останется благоболтовней, пока между трудом и потреблением превыше денег стоят очередь, талоны, прыткость профкома или разных комиссий, нелегальные законы торговли и проч.

Тотальное рационирование требует учесть и рассчитать потребности и возможности, строжайше точно воплотить и раздать блага, проконтролировать все этапы, выявить и привлечь к ответу всех нарушителей, отреагировать на все непредвиденное предельным напряжением и чрезвычайными мерами (героическими и репрессивными). Из этого рождаются план-закон, отраслевые министерства, Госплан, Госкомцен, КРУ, народный контроль и их структурные подразделения, хозфункции парткомов. Ввиду крайней важности для общества этот массив получает огромную власть, становится его стержнем, структурируется. Устанавливается строжайшая и всеохватывающая иерархизация. При этом ведущую роль в распределении играет социальный статус. Сама власть перестает быть феноменом политическим и характеризуется, проявляется, охраняется размером и близостью распредкнопки. Но отчуждения не происходит, поскольку все общество формируется по образу и подобию своего стержня в тотальных распределительных зависимостях. Функция денег практически отпадает и глубоко противна такой системе, сколько-нибудь полноценные денежные отношения отторгаются, яростно атакуются самыми разными общественными силами.

Все, что в иных системах продается или покупается, у нас раздается и распределяется (даже если оплачивается). Жилье вообще и в центре, садовые участки, продзаказы, автомобили, путевки, билеты в театр, квоты в аспирантуру, направления выпускников вузов, медобслуживание, качество среднего образования, стройматериалы, тираж, доход от книги и т. д. Количество и качество получаемого зависят от места жительства (столица, Прибалтика, Нечерноземье), места работы (партаппарат, передовой колхоз, универмаг, провинциальный театр, дипкорпус), знаков отличия (доктор, заслуженный, знатный, лауреат, дипломированный, персональный, генерал, академик, II класса, 5-го разряда), т. е. прямо не связаны с результатами ежедневного труда данного человека. К знакам отличия привязана и должность, которая и без того необязательно соответствует результату труда. Единственный измеритель пользы труда — рынок — с необходимостью упразднен самим замыслом тотального уравнительства.

На практике привилегии не исчерпываются узаконенными, напротив, это их малая толика. Персональные машины, бесплатные рабочие-подчиненные, стройматериалы по цене отходов, секретарши и аспирантки, завышенные премии, «черный ход» и т. п. Вдумайтесь, сколько людей у нас имеют власть распределять и перераспределять себе. При самых разных методиках подсчета доля людей, в той или иной мере распределяющих, превышает 80% взрослого населения.

Нынче модно отыскивать некий правящий класс: бюрократы, АУП, номенклатура. Вот только номенклатура чья? Есть ЦК, но есть обкомов,

райкомов. Есть Совмина, министерства, главка, директора. Скажем, завбулочной, директор бани, начальник милиции... Есть номенклатура Верховного Совета, Генерального прокурора, ВЦСПС, облсовпрофа, секретариата Союза писателей, СТК. Каждый ведающий номенклатурой суть сам чья-то номенклатурная единица. Мы страна номенклатуры. Сечение социального конуса выглядит как пчелиные соты на ребре, где каждая ячейка зафиксирована, расстояние между ними ничтожно и практически равно, но любая (кроме самых нижних) над кем-то властвует, кого-то назначает, что-то распределяет.

Многие оценили суету профсоюзов вокруг кооперативов и уровня цен как стремление нажить политический капитал накануне местных выборов, но остался в тени (а ранее был встречен всеобщим одобрением) куда более важный аспект: усиление роли профсоюзов в распределении. Их огромный аппарат, власть и благоденствие функционеров немыслимы при нормальном рынке. Новшества вроде рабочего контроля, талонов на вещи или выездной торговли усилили их роль в распределении, а следовательно, и власть. Столь же очевидно, что кооперативы, как элемент рыночной системы, подрывают саму основу процветания нынешнего профсоюзного аппарата (особенно кооперативы, выходящие на население, в том числе и посреднические, посягающие на область, в которой аппарат главным образом и специализируется).

Современная версия распредсистемы несравненно совершеннее и изощреннее любой буквально карточной и не работает не потому, что плоха или неумна, а потому, что не может работать в принципе в эпоху технологического (и вообще идейного) бесконечнообразия. Она родилась в результате совершенствования карточной. При отсутствии торговли начинается обмен карточками или продуктом, затем продажа, далее перепродажа, «черный рынок», подделки и фальсификации в громадных количествах по мелочи, нехватки и избытки, толкучки. Опыт многократно подтвердил, что даже самые чудовищные меры и самые экстремальные обстоятельства (к примеру, война) не обеспечивали удовлетворительности работы сугубо карточной системы, и приходилось допускать суррогат рынка. Но есть причина и более важная: необходимость иерархизации карточек. Сначала для стержневого слоя распределяющих, а затем и для всего общества.

Всем уже ясно, что эклектическая система в глубоком кризисе. Вопрос, какую составляющую в ней, рынок или карточки, развивать. Ответ очевиден, если учесть, что перед подавляющим большинством населения выбор: неизвестность или какие-то привилегии.

Сегодня выбор между существующим и карточками абсолютно кажущийся. Логикой реалий мы неуклонно летим к тому, от чего открещиваемся пятый год. Все больше в общественном сознании (никогда не исчезавшая из подсознания) ставка на контроль и внеденежное распределение. И все больше перерожденцев и спровоцированных на спекуляцию (самими талонами и дефицитом), ранее об этом и не помышлявших. Мы пока что сопротивляемся переходу на карточки. Тем временем расцветают воротилы теневой экономики и мафия и одновременно создаются аппарат и опыт войны с преступностью. Карточки делают злоупотребления мельче, но многочисленнее. В случае перехода на карточки мы будем иметь: 1) тип массового мелкого спекулянта; 2) могущественный репрессивный аппарат, жаждущий самооправдания существования и роста; 3) обыденность жестких мероприятий в этой сфере. Когда десятки миллионов людей сделаются узаконенно распределяющими, поддержать их хотя бы номинальную честность в условиях соблазна и нехваток можно только страхом. Все необходимое для этого окажется уже созданным. Необеспечение карточек повлечет политические обвинения ответственных. Региональное обособление, нарушающее жесткую структуру распределения, с необходимостью будет беспощадно заменено гиперцентрализацией. Заметно эффективное обеспечение карточек достижимо только при сокращении их номенклатуры, военизации производителей, контроле и регламентации потребностей, для чего необходима их идеологизация (запреты на тип штанов, засекречивание распределителей, кастовость). Тотальное рационирование — трамплин к совершенному тоталитаризму.

Надо хотеть быть оптимистом, чтобы увидеть альтернативу в едва заметной щелке. И все-таки: дорога начинается с первого шага, осилит ее идущий, и тот прошел половину, кто начал. Но не просто рынок...

Великое достижение мировой цивилизации — трехуровневая распредсистема — нуждается у нас в легализации и уточнении.

Бесплатные и гарантированные блага и помощь. Получаемые всеми (актуально или потенциально). Среднее образование, похороны, компенсации жертвам бедствий, лечение и т. п.

Общедоступные блага и взаимопомощь. Предметы первой необходимости по существующим ценам, достигнутым средним количеством, и антропометрическим нормам, рациональное питание и одежда, транспорт на службу, массовое кино, простенький телевизор, проезд в отпуск на среднее расстояние. Сюда же относятся займы, кредиты, субсидии на жилье, продолжение образования, отдых и другое. Посредством социального личного счета необходимо учесть использование, накопление, эквивалентную трансформацию одних благ в другие.

Работникам, создающим константно-ценовые блага, должна ежегодно выплачиваться прибавка к оплате в размере процента среднего роста реальных доходов по региону или стране (не следует путать с инфляционной компенсацией).

Рациональное питание вполне достижимо пересмотром структуры продовольственного импорта: вместо пшеницы и сахара — это в среднем 8 миллиардов долларов — закупать недорогие сорта мяса, что обеспечит по животному белку (с учетом рыбы), мучному и сахару структуру питания, не уступающую американской. Прибавка в 40% потребления мяса сокращает потребности в молоке, яйце, картофеле, что дает средства на резкое улучшение овоще-фруктовой составляющей диеты. В результате еще и госвыгода составит 20 миллиардов рублей: реализация мяса, экономия на транспорте и переработке сахара и пшеницы. Все зависит от постановки цели импорта — обеспечение населения мясом или какие-то временные, но забытые пересмотром цели... Впрочем, чудеса импорта требуют отдельного разговора.

Страна способна (хотя бы и с импортом) накормить себя. Начальное здравоохранение, ресурсы на одежду и жилье тоже есть. Аппарат легко справится с сильно урезанным, но привычным делом, найдя в том легитимизацию себя. Государство должно взять на себя ответственность за достойное существование граждан уже сегодня.

Первые два уровня реализуют принципы равенства потребления и взаимопомощи, т. е. исконные идеалы социализма.

Неравенство потребления реализует принцип «по труду», но может сосуществовать даже с равенством доходов, т. е. в строгом соответствии с любыми определениями социальной справедливости. Среди многих достоинств рынка практически не замечена его мощнейшая социализаторская роль нивелира богатств; скажем, необходимость и затраты труда на 4 тысячи килограммов сосисок и на колье за 10 тысяч рублей несоразмерны.

Рыночные блага. Все, что не первой необходимости, что нельзя или, главное, бессмысленно производить для всех. Начать надо с самого очевидного: автомобили, драгоценности, икра, загранпутевки, ва-

люта, компьютеры, меха, видео, новое жилье сверх установленного (и по количеству, и по качеству), зрелища, гостиницы, музеи, книги, билеты на транспорт, все импортные товары (отнесенные к этому уровню), рестораны, такси и т. д.

На некоторое время государство должно выступить в роли перекупщика, отобрав доход у спекулянтов и прекратив скрытое субсидирование роскоши. За три-четыре года это 120—150 миллиардов рублей в казну дополнительно.

Определенная (80—90 миллиардов в сегодняшних ценах, т. е. 18—20% предложения) емкость рынка и гибкость цен не допустят ажиотажного переключения спроса и неограниченного их роста, так как блага не являются жизненно необходимыми. Такой рынок демонополизирован изначально. Конкурентами выступают: поезд и самолет, видео и стройматериалы, спорт и аспирантура, книги и драгоценности, автомобили и расположение дач, шоу и персональные компьютеры. Физическая ограниченность (в частности, свободного времени) потребления ограничивает спрос, а следовательно, цены. Расширяться рынок должен не за счет сокращения на первых двух стратах распредсистемы, а за счет появления ныне не предлагаемых благ.

Необходимо еще реформировать торговлю, которая фактически таковой не является, ибо не устанавливает цены и не связана жестким кредитным контролем. Для организации рынка, например, в Москве можно специализировать ГУМ, ЦУМ, Елисеевский и т. п. Хотя есть опыт «Березок», «Торгсина», коммерческих магазинов — неплохо бы импортировать для начала некоторое количество торговых директоров. Выведение системы из-под власти Минторга, чековая оплата, электронный банковский контроль и прочие ухищрения вполне осуществимы при необходимости. Симптоматично, что среди шквала экономпублицистики последних лет нет ничего заметного о торговле как экономическом феномене.

По достижении баланса на рынке эта сфера торговли должна быть демонополизирована (акционеры, арендаторы, государство и т. д.), а поступления государству должны осуществляться через налог. Переходный период явится сигналом и отсрочкой для самоспасания потенциальных банкротов из производителей.

Целесообразно было бы провести предварительно замену денежных знаков с декларированием сверх некоторой оптимально заданной суммы для отсечения наиболее одиозных воровских состояний. Утверждение, что незаконные доходы переведены в бриллианты, не выдерживают критики — ведь на потребление давят отнюдь не бриллианты, а купюры, и знаменитые сыщики конфисковывали не только золотые бюсты, но и «консервы» из трояков. Да и не экономическая цель здесь главная: масс-психология неохотно, но все-таки допускает неравенство в доходах законных. Без этой акции переход к рынку понят не будет. Кроме того, как бы ни оценивались воровские состояния в наличных, важна их концентрация, достаточная для подкупа целых кланов управляющих, в том числе ведающих и распределением, или скупки, например, спичек в данном населенном пункте.

Нормальную (цивилизованную) распредсистему можно построить, только идя сверху. Рынок может быть построен только за счет богатых. Это и есть «главное звено». Притом социальные пропорции сохранятся. Богатство у нас (в тенденции) соотносится с участием во власти, высотой положения и ролью в управлении обществом, следовательно, за нехватки в обществе богатые должны первыми принять ответственность. Невозможно же всерьез допустить, что на рубеже XXI века в

богатейшем георегионе любой работник не зарабатывает себе нормального питания, например. За 10 последних лет предложение чуть опережало спрос бедных, равнялось спросу средних, но составляло всего 0,7 спроса богатых (12% семей со среднедушевым месячным доходом свыше 200 рублей). Имея средний уровень потребления, такая семья сможет откладывать (в среднем) более 600 рублей в месяц. Эта сумма дает возможность за десятилетний цикл обзавестись: автомобилем, дачей, квартирой в ЖСК, дубленками, украшениями, видео, несколько раз отдохнуть за рубежом, потреблять кило икры в месяц и т. д. Сегодня (без учета нелегальных и замаскированных доходов) количество таких семей — 18% в результате четырехкратного роста. Суммарная же ценовая стоимость предложения из их потребительских предпочтений выросла лишь вдвое за те же десять лет. У общества просто нет возможности иметь столько относительно богатых. Такой рост и соотношение — факторы социальной дестабилизации.

Есть исследования (западные), показавшие, что для социального мира оптимальная численность средних — 80—85%, а размеры двух других слоев должны примерно совпадать (у нас богатых вдвое больше бедных и слой бедных уменьшается в 2 раза медленнее роста числа богатых, а средних стало менее 70%). Происходящее удвоило сбережения и создало невыносимое давление на потребление бедных и средних, бессильных конкурировать в ажиотажном спросе и приобретениях через посредников (спекулянтов). Потребитель, имеющий возможность при наличии денег купить хоть сегодня желанную вещь, не станет откладывать удовольствие, потратившись на закупку 100 коробок стирального порошка. Очевидна не только экономико-правовая, но и моральная оправданность названного пути к рынку, ведь цены на трудовые услуги (заработок) еще менее адекватны общественной необходимости, нежели на товары. Речь отнюдь не о справедливости, хотя и недопустимо подкидывать топливо социальным демагогам. Рынок — мотор технологического прогресса, но на рубеже постиндустриальной эпохи пространство прогресса лежит за чертой простейших потребностей. Не хлеб, молоко, штаны, малогабаритное жилье, протекция или вредные условия труда, неизменные десятилетиями, а электроника, туризм, комфорт, развлечения, интеллект определяют, стимулируют и оплачивают прогресс.

Как часто бывает в истории, индивидуальный эгоизм сильнее группового инстинкта самосохранения. На пути к цивилизованной распредсистеме мощная стена интересов. Рынок смертелен для большинства заправил преступности и их порученцев в системе власти. Десятки миллионов людей, пользующихся привилегиями (даже малыми), ножницами между государственным и иным ценообразованием, распределяющие. Продавцы, железнокассиры, хозяева курортов, столично-прописанные, коммивояжеры за кордон, профконтролеры, раздатчики талонов и квартир и т. д. Сюда же примыкает значительная часть образованного слоя, в том числе и определяющие общественные и власти настроения (отставные сановники и удельные владыки, певцы застоя, нувориши, поворотчики, лоббисты реакторов БМК-1000 и иные околонаучные рантье, концертирующие властители дум),— все, кто так или иначе имеет ходы к дефициту или завершенное денежное состояние. Наконец, начальники, опасаясь перед обозленными массами завести разговор о зарплате, предпочитают мимикрирующие распределители. Когда заходит речь, что раз в жизни за вход в «Эрмитаж» можно отдать, как за коньяк, крик поднимают те, кто ходит туда часто, но без очереди, а подхватывают те, кто не пойдет. Когда упитанное лицо радеет к публике за вклады старушек или вкусненькое на праздничном столе рядового труженика, никто не крикнет: «Не верьте, люди,— не о вас болеют!» Ведь знают благодетели, что даже «отец народов» не лишил в 1947 году вкладов старушек, а дешевизна деликатесов важнее для упитанного лица, ежедневно потребляющего их, в 50 раз (365 дней: 7 праздников), нежели для рядового труженика.

Союзниками сил, блокирующих создание рынка, парадоксально выступают самые страдающие от существующей системы, ибо ценовая иллюзия доступности для них важнее реальной недостижимости осетрины, ондатры, изумруда, Парижа, Большого балета, отеля «Космос», клубники в феврале и прочей дешевой (для тех, кому ее отпускают) роскоши. Проницательности граждан достанет для прикидки: лучше подождать пять лет в очереди и купить автомобиль за 8 тысяч, нежели иметь его перед глазами за 15 тысяч. Невероятно трудно убедить, что альтернатива совсем в другом: реальная возможность за пять лет накопить и купить автомобиль или лишиться и шанса на приобретение его, и 8 тысяч: пережить новые экспроприацию и террор.

Словами персонажа Александра Зиновьева: «Что толку кричать падающему, что падение причинит ему боль... но и молчать невозможно».

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

ВОЗМОЖЕН ЛИ РЫНОК ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ?

Даже самый пристрастный наблюдатель вряд ли рискнет утверждать, что сегодня наша экономика находится в лучшем состоянии, чем во времена застоя 70—80-х годов. Мы почему-то оказались совсем не там, куда стремились. Благосостояние и здоровую экономику мы не обрели, даже предкризисного состояния не удержали. Мы подошли к рубежу, за которым маячит экономическая катастрофа и хаос.

В чем же дело? Почему так случилось? Одни полагают, что в принципе перестройка реализуется непоследовательно, медленно. Меры принимаются, но половинчатые. Хозрасчет вводится, но министерства тут же сводят его на нет. Кооперация есть, но ее душат бюрократы. Выход — в решительных действиях, в смелом введении рыночной экономики, в легализации частной собственности.

Другие, также признавая правильность курса на развитие товарно-денежных отношений и кооперации, считают, однако, что перестройка начала развертываться в неподходящих условиях экономической разбалансированности и наличия дефицита. Поэтому-то ситуация и ухудшается, а во избежание еще больших осложнений надо срочно вернуться к старой системе административных методов, с их помощью обеспечить приемлемую пропорциональность и лишь затем переходить вновь к рынку, к оптовой торговле средствами производства.

Несмотря на различия в понимании причин происходящего, оба направления считают взятый курс на переход к «рыночному» социализму принципиально верным. Но есть ли для такой оценки научные основания? Возможен ли подобный социализм в действительности, не утопичен ли он?

Единственное практическое подтверждение реальности социализма при господстве товарно-денежных отношений его сторонники усматривают в периоде нэпа от его начала до конца 20-х годов. Именно тогда он начал якобы успешно претворяться в жизнь, но развитие было прервано вероломными действиями Сталина. Данный аргумент разделяют даже академики и члены-корреспонденты. И тем не менее он... не соответствует действительности.

На самом же деле прообраз подобного социализма существовал лишь несколько месяцев — с конца 1921 до начала 1922 года. А затем под давлением внутренних противоречий он начал развиваться в социализм с господством плановых методов. И это не было проявлением чьей-то злой воли.

Осенью 1921 года в рамках социалистического уклада на месте предприятий, главков и центров стали возникать тресты-товаропроизводители. Они обладали большой хозяйственной самостоятельностью и активно конкурировали между собой. Социалистический уклад принял форму рыночного хозяйства с присущими ему конкуренцией и оптовой торговлей средствами производства. Но, как известно, рыночное хозяйство рано или поздно охватывается кризисом. Не избежала этой участи и молодая советская экономика. Весной 1922 года рынок оказался затоваренным. Цены, снизившись до себестоимости, продолжали падать. Тресты были на грани банкротства. Стало очевидным, что некоторые из разорившихся социалистических трестов могут перейти в собственность частных лиц. Чтобы не допустить этого, государство пришло им на помощь. В итоге ни один из трестов не разорился. Более того, чтобы избежать повторения подобной ситуации, они стали объединяться в синдикаты. В каждой отрасли создавался синдикат, задача которого состояла в ликвидации конкуренции. Достигалось это закреплением за каждым трестом определенного рынка сбыта и передачей части продукции синдикату для непосредственной реализации. В результате конкуренция ослабла настолько, что перестали снижаться цены. Но так как товарное производство продолжало преобладать, то тресты и синдикаты сохраняли естественную для любого товаропроизводителя цель — прибыль. Стремясь увеличить ее, они настолько взвинтили цены, что осенью 1923 года наступил новый кризис. На этот раз товары не раскупались из-за чрезмерно завышенных цен. Для ликвидации кризиса государство вторично ограничило товарное производство, взяв на себя функции по регулированию цен. Административным нажимом цены снизили. В таких условиях получить столь необходимую государству прибыль тресты и синдикаты могли единственным путем: искусственным ограничением производства. Тогда неудовлетворенный спрос повысит цены, а дефицит заставит население приобретать товары по этим ценам. Так тресты и поступили.

Уже к началу 1922 года введенная оптовая торговля, когда тресты самостоятельно выбирали себе партнеров, покупали и продавали любые товары, породила безудержную спекуляцию и взяточничество. Социалистические тресты скупали в огромных размерах не вписывающиеся в их производственную деятельность товары и, выждав удобного случая, перепродавали их. Фактически развивалась самая настоящая биржевая спекулятивная игра. Вместо того чтобы напрямую заключать между собой сделки, многие тресты предпочитали пользоваться услугами частных лиц и кооператоров. Объяснялось это довольно просто. Посредники получали большие комиссионные, часть которых шла на взятки руководителям этих же трестов.

Воспрепятствовать росту спекуляции и взяточничества государство попыталось, исключив в 1922 году частное посредничество в отношениях между госорганами и запретив трестам торговать не являющейся результатом их собственного производства продукцией. Однако успеха не достигло. Блокировали эффект сохраняющиеся частные предприятия и кооперация, через которые шла в основном спекулятивная торговля, мало чем ограниченная хозяйственная самостоятельность трестов, обеспечивающая возможность свободного распоряжения продукцией, а главное — создаваемый в первую очередь социалистическими трестами-товаропроизводителями дефицит, т. е. то, чем спекулировали и за что получали взятки. Требовалось уже не только более радикальное, но и срочное наступление на всю эту «торговлю», ибо к 1925 году неравномерно распределившийся по территории дефицит грозил сорвать хлебозаготовки.

Решить эти проблемы государство постаралось с помощью указаний трестам и синдикатам обязательных мест завоза их изделий, а также определения для них конкретных потребителей. Подобное районирование охватило в дальнейшем всю территорию СССР. Для решения проблемы дефицита государство стало вмешиваться в составление трестами планов производства промышленных товаров. Кроме того, запретило им без серьезного обоснования менять номенклатуру товаров и продавать дефицит частникам. Наконец, оно решилось перекрыть самый главный спекулятивный канал. Свободная торговля дефицитными товарами была запрещена. А деятельность кооперации после проведенных в 1926—1927 годах судебных процессов, показавших во многих случаях ее фальшивый характер и вскрывших жульнические махинации и прямую производственную эксплуатацию в ней, была направлена в рамки системы подчиненного государству Центросоюза.

Принятые меры оказались эффективными: уровень спекуляции и коррупции пошел на спад. Но одновременно оказалось, что исчезла и рыночная экономика 1921—1922 годов. К 1927 году в социалистическом укладе снабжение и сбыт происходили уже в значительной мере без реальных товарно-денежных отношений. Преобладали централизованные директивные методы. Такое положение, как мы видели, сложилось не сразу. К нему экономика пришла вынужденно. Из двух зол пришлось выбирать меньшее. Поэтому-то расхожее мнение о конце 20-х годов как о переломных в развитии социализма в общем-то ошибочно. Перелом тогда произошел лишь в сельском хозяйстве. В промышленности же он наметился гораздо раньше — в начале 1922 года и стал необратимой, определяющей развитие тенденцией в конце 1923 года. Не будь ее, социалистический сектор неизбежно бы развалился под ударами банкротств и хищений, спекуляции и коррупции.

Поэтому концепция высокоэффективного и стабильного социализма с господством рынка и отсутствием государственного регулирования — это благое пожелание, мечта, не имеющая пока под собой ни теоретического, ни практического подтверждения. Вера во всесилие рынка при социализме построена на песке плохого знания собственной истории, крайне упрощенных экономических представлений.

Владимир КРАСНОВ,
кандидат экономических наук,
преподаватель Московского института
управления имени С. Орджоникидзе

Григорий СВИРСКИЙ

«ДАВАЙТЕ СКАЖЕМ ПОЛНУЮ ПРАВДУ...»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Большой зал Центрального Дома литераторов был переполнен. Шло собрание московских писателей. Не совсем обычное собрание. В президиуме сидел важный гость: секретарь ЦК КПСС. Поговаривали, что он, может быть, даже будет выступать. Ораторов поэтому слушали не очень внимательно. Все ждали выступления секретаря ЦК. Гадали: выступит? Не выступит? И если выступит, что скажет? От того, что он скажет, зависело многое...

И вот наконец настал этот волнующий миг. Председательствующий в мгновенно наступившей тишине торжественно начал:

— Слово предоставляется секретарю Центрального Комитета...

И тут произошло непредвиденное.

У края сцены появился коренастый широкоплечий человек с буйной шевелюрой. Он что-то возмущенно говорил, обращаясь к президиуму. Слышно было плохо, но сидящие впереди услышали и передали по рядам:

— Свирский. Требует, чтобы ему дали слово... Говорит: почему дали ему, а не мне... Я, говорит, раньше послал записку...

— Дать!.. Дать!..— закричали из зала.

Секретарь ЦК, уже идущий к трибуне, в растерянности остановился. Председательствующий, потеряв от страха голову, предложил поставить вопрос на голосование.

Неизвестно, чем кончилось бы это голосование, но тут у края сцены появилась еще одна фигура, на сей раз женская.

Фазиль Искандер в своем романе «Сандро из Чегема» поделил население нашей страны на две категории: «работающих» и «присматривающих».

Это была из «присматривающих».

— Товарищи! — взволнованно заговорила она.— Я считаю в высшей степени бестактным ставить вопрос на голосование, после того как было объявлено, что слово предоставляется секретарю ЦК нашей партии...

Зал шумно выдохнул:

— У-у!..

Выдох этот был таким единодушным и мощным, что «присматривающую» словно ветром сдуло.

Секретарь ЦК, сориентировавшись в этой непривычной для него обстановке, сделал рукой широкий приглашающий жест, и Григорий Свирский под аплодисменты зала поднялся на сцену, прошагал к трибуне и утвердился на ней.

Я не стану пересказывать его речь, тем более что вы сейчас ее прочтете. Скажу только, что это была та самая речь, в которой он рассказал замечательную историю о том, как в студенческом турпоходе по Кавказу ему сперва съездили по морде, приняв за армянина, потом не позвали на свадьбу, приняв за грузина, потом прибалты не стали при нем вести какие-то свои разговоры, поскольку он русский, а в заключение, когда он вернулся из этого турпохода в Москву, оказалось, что его не приняли в аспирантуру как еврея.

История была лаконичная, но емкая. Она правильно представила неприглядную картину уже тогда сложившихся болезненных межнациональных отношений, тщательно прикрываемую парадными лозунгами о вечной и нерушимой дружбе народов нашей страны. В той речи Свирский впервые сказал вслух о черносотенцах, состоявших в рядах членов Союза писателей. Количество их он, впрочем, преуменьшил, дипломатично заметив, что «черной сотни» среди «инженеров человеческих душ», быть может, и не наберется, но «черная десятка», безусловно, имеется.

Речь Свирского неоднократно прерывалась аплодисментами. Одобрительно отозвался о ней и секретарь ЦК, выступивший следом. Он полностью присоединился ко всем основным положениям этой речи и даже назвал антисемитизм гнусным и отвратительным пережитком капитализма в сознании людей..

Однако, несмотря на «хэппи энд», именно с этой речи начались все последующие неприятности Григория Свирского. Сперва от него требовали, чтобы он отрекся от своих слов как от клеветнических... Потом исключили из партии... Потом перестали печатать... Потом... Короче говоря, потом вышло так, что он оказался в Канаде, где проживает в настоящее время.

Больное общество наше не желало ничего знать, даже слушать не хотело о своих болезнях. А между тем, если бы то, о чем сказал тогда Свирский, было услышано, болезни эти, быть может, не приняли бы такую тяжелую, злокачественную форму.

Сегодня никому уже в голову не придет говорить о «черной десятке». Жизнь показала, что нынче счет идет уже не на десятки, даже не на сотни, а на тысячи.

Но сегодня, слава тебе господи, мы уже не молчим. Сейчас у нас гласность, и мы больше не скрываем своих болезней, какими бы страшными они ни были. Вот совсем недавно в тех самых стенах, где выступал со своей речью Григорий Свирский, прозвучали прямые призывы к погрому. В прежние времена, если бы случилось такое, об этом знали бы только те, кому выпала не слишком приятная участь при том присутствовать. А сегодня инцидент получил широкую огласку. О случившемся с негодованием писали «Комсомольская правда», «Вечерняя Москва», «Литературная газета», «Огонек». Несколько гневных слов по этому поводу даже прозвучало с трибуны февральского Пленума ЦК.

Однако даже и сегодня публичное обсуждение этих деликатных проблем кое-кому не по душе. Это ясно видно из заметки, опубликованной в «Известиях» 9 февраля нынешнего года, которой упомянутые выше выступления печати оценены следующим образом:

«...Важно, чтобы средства массовой информации более взвешенно подходили к освещению столь чувствительных вопросов и не тиражировали непроверенные сведения, ибо призывы к насилию по одному поводу провоцируют призывы к насилию по любому другому».

Вот оно как!

Оказывается, даже и сейчас, когда болезнь выявилась во всей своей злокачественности, есть силы — и весьма влиятельные,— не только не желающие ее лечить, но по-прежнему боящиеся даже ее назвать.

Все это говорит о том, что публикация давних выступлений Григория Свирского представляет сегодня отнюдь не только исторический интерес. Как это ни грустно, приходится признать, что и сейчас, в совершенно новых исторических обстоятельствах, эти выступления не только не утратили своей актуальности, но даже наполнились новым, еще более зловещим смыслом.

Бенедикт САРНОВ

Выступление на открытом партийном собрании московских писателей 27 октября 1965 года

На всех собраниях, на которых я присутствовал в этом зале, руководители обычно начинали и кончали свой доклад словами: «Писатели не знают жизни». Это лейтмотив многих руководящих выступлений. В этой связи мне всегда вспоминаются слова мудрого, ныне покойного писателя, который, выйдя после очередного заседания, сказал, обращаясь к самому себе: «Изучайте, изучайте жизнь! Господи, если б можно было хотя бы половину пережитого забыть!»

Мне кажется, словесная формула «незнания жизни» вызвана к жизни, прежде всего, тем, что писатели ставили и ставят самые острые, самые беспокоящие инертных руководителей вопросы современности... что они вплотную подходят к так называемым «запретным» темам, «нежелательным» темам, а это, с точки зрения чиновников, действительно вопиющее незнание жизни...

Запретные темы у нас нечто вроде задних комнат. В них царит мерзость запустения, и в них не пускают гостей. Но писатели — не гости.

Итак, о двух запретных темах.

Первая, много лет закрытая тема... Тема воспитания общественного государственного мышления рядового человека. Это прямой и честный вопрос, как привлечь массы к управлению производством, привлечь молчальников, которые сидят в выборных органах «вместо мебели». И тех, кто вообще чурается всяких общественных забот. Как перейти от политической формулы к непосредственным шагам...

В поездках по стране непрерывно сталкиваешься с распространеннейшими фактами общественной пассивности рабочего человека. То и дело слышишь: «Говори не говори — один черт», «Наше дело десятое», «Начальство — оно газеты читает, радио слушает — пусть оно и заботится». Равнодушие к общественным делам толкает к пьянству. 92% зарплаты уходит на водку в леспромхозе, где я побывал. А домино! Люди буквально сжигают свое свободное время, «убивая» время за домино. Да и футбол имеет свое значение. Англичане говорят: «Когда смотрят футбол — не думают о политике...»

Но самое главное, что пожилые рабочие приучают к водке массу молодежи, которую не приобщают к общественной жизни, за редким исключением, плохо, формально работающие комсомольские организации. Когда я был на Братской ГЭС и видел, как пьяные ребята, носясь по таежным дорогам на мотоциклах, как цирковые акробаты, срывались с обрыва, я спросил, почему их не привлекают к общественной работе? Мне ответили, что в клубе 300 мест, а строителей 30 тысяч.

Крайне важная задача — практически привлечь рабочих к управлению, перейти от словесных формул к практическим шагам. Этому, по сути, посвящена и вся моя работа. Все мои статьи и книги. Но именно потому, что они посвящены идеологическим проблемам, я мытарюсь с ними, «пробиваю» их — от двух до двенадцати лет.

Статью «Как воспитывается бездумье» окрестили, в некоторых редакциях, антипартийной, затем она, после двухлетних мытарств, была опубликована в журнале «Партийная жизнь».

Роман «Ленинский проспект», который пресса после выхода в свет назвала актуальным и партийным, начал свое хождение по редакциям с того, что автора отдали под суд за то, что он написал-де клеветнический, антипартийный роман.

И так каждая книга, каждая статья. Пока нет постановления ЦК по какой-нибудь проблеме, для редакторов нет самой проблемы.

Занимаясь идеологическими вопросами, я живу с ощущением некрасовского крестьянина, который стоит у парадного подъезда и ждет, когда разрешат подать челобитную.

В чем дело? Во многом — в кадрах редакторов-перестраховщиков, которые травмированы сталинскими временами, травмированы тем, что за каждую ошибку голову снимают; поэтому, естественно, лучше не напечатать, чем напечатать, тем более что материала в избытке; издательств у нас мало.

Многие редакторы не замечают болезненных явлений нашей жизни, пока они не разрастутся в государственную опасность и не будут осуждены постановлением ЦК. Такие редакторы обрекают и очерки и романы на иллюстративность, жвачку, на повторение того, что уже сказано.

Я считаю, что редакторы-перестраховщики не субъективно, а объективно — главная антипартийная сила в наших идеологических учреждениях...

(Аплодисменты. Возгласы с мест: «Правильно!»)

...ибо они отбрасывают все самое смелое, самое актуальное. Все эти материалы лежат годами. Книги моих товарищей выходят после 8—10—12 лет ожидания...

(С места: «И в издательствах такие сидят, в частности в Воениздате!» Смех в зале.)

Нужны люди смелые, которые бы не боялись ставить острые и больные вопросы, чтобы не загонять наши болезни внутрь, а изживать их. Нужны редакторы идейные, иначе у нас не будет хороших результатов.

Я недавно взял верстки нескольких книг, вышедших за последнее время, о которых пресса единодушно сказала доброе слово,— это книги моих товарищей — и проследил: что же перед самым выпуском книги вычеркивается, выбрасывается из них. Я ужаснулся, потому что эти изъятия и вычерки имеют антипартийную, антисъездовскую направленность. То, что поддерживает идеи XX и XXII съездов партии, что говорит о них прямо и непосредственно,— подвергается изъятию.

Проблема смелых и идейных редакторов для организации литературного дела, по-видимому, проблема номер один.

Я хочу спросить: товарищ Демичев, почему всю эту массу коммунистов-писателей, которая сидит здесь в зале, отбрасывают от решения важнейшей проблемы подбора редакторских кадров?! Сейчас подбирается редактор «Литературной газеты». А почему бы не спросить сидящих здесь, как относится масса писателей к тому или иному кандидату... *(Аплодисменты. Возгласы с мест: «Правильно!»)* Почему коммунисты отстранены от этого важнейшего для них вопроса? Почему их не спросят — пользуется ли данный кандидат авторитетом или нет? А получается так, что попал тот или иной человек на номенклатурный эскалатор, и его переводят с этажа на этаж.

Укреплять партийную демократию, боеспособность организации — так укреплять. Если нас собрали для того, чтобы мы посидели, выслушали речи и потом разошлись,— никакого укрепления наших сил, нашей боеспособности не будет.

Большая масса редакторов, которых я лично знаю,— люди честные. Они бьются за те книги, которые им нравятся, но они принижены, обезличены сейчас, как никогда, цензурой, получившей беспрецедентные, антиконституционные права.

Цензуру называют ныне *особым совещанием в литературе,* и по праву. Дело Главлита охранять военную и государственную тайну, а не руководить литературным процессом, не вмешиваться в литературную ткань произведения... *(Аплодисменты. Возгласы с мест: «Верно... Правильно...»)*

Это вмешательство достигло ныне геркулесовых столпов глупости.

Любопытно, когда цензура получила право творить произвол. Тогда, когда готовилось празднование великого хрущевского десятилетия. Нужна была ложь, и — была разогнана Московская партийная писательская организация — по домоуправлениям и другим учреждениям, чтобы мы там изучали жизнь. *(Аплодисменты.)* И — цензура получила право танцевать на писательских душах.

Сказав «а», надо сказать и «б». Время великого потопа прошло, пусть цензура вернется в свои исконные берега, и редактор станет редактором. Как говорится, редактору редакторово, Главлиту — главлитово.

Мы преодолели культ личности. Пора кончать и с культом некомпетентности. *(Аплодисменты.)*

Вторая закрытая тема. Если по первой теме выходили все же статьи, романы, то вторая тема закрыта напрочь.

...Как-то шли по Осетии с группой альпинистов и туристов. В одном из селений подошел к нам старик и сказал: мы приглашаем вас на свадьбу. Вся деревня будет гулять; а ты, показал он на меня, не приходи. И вот я остался сторожить вещи группы. Сижу, читаю книжку и вдруг вижу, улица селения в пыли, словно конница Буденного мчится, меня хватают и тащат. Жених и невеста кричат: «Извини, дорогой!», меня притаскивают на свадьбу, наливают осетинскую водку арака в огромный рог и вливают в меня. Я спрашиваю моего друга, что произошло? Почему они меня раньше не пригласили, а сейчас потчуют, как самого дорогого гостя? Оказывается, мой друг спросил несколько ранее старика и тот объяснил гордо: «Мы грузинов не приглашаем!» Мой друг сказал, что я не грузин. Тогда старик закричал, что только что кровно оскорбил человека, и он, этот человек, будет мстить. И вот вся свадьба, чтобы не было мести, сорвалась и — за мной... На другой день старик приходил узнать, простил ли я ему то, что он принял меня за грузина...

Когда кончился маршрут, мы спустились в Тбилиси. Вечером вышли гулять. Подходят два подвыпивших гражданина и что-то говорят по-грузински. Я не понимаю. Тогда один размахивается и бьет меня в ухо. Я падаю. Кто-то в подъезде гостиницы кричит: «Наших бьют!», альпинисты выскакивают из гостиницы, и начинается потасовка.

И вот мы в милиции. Идет разговор по-грузински. И вдруг бивший меня кидается к моему паспорту, лежащему на столе, изучает его и идет ко мне, говоря: «Извини меня, мы думали, что ты армяшка, из Еревана. Идем, будем гулять». Я едва от них отбился.

В нашей группе альпинистов половина была из Прибалтики. Они прекрасные спортсмены. После того как все это произошло, мы сблизились. Но когда они о чем-то говорили и мы подходили — они замолкали, а когда я спросил, в чем дело? — мне ответили: «Ты же русский».

Когда я приехал в Москву, узнал, что меня не утвердили в должности члена редколлегии литературного журнала, потому что я еврей...

Так в мою жизнь входила тема борьбы с шовинизмом. Я пытался заняться ею. Но — пришел к убеждению, что у нас нет действенной борьбы против великодержавного шовинизма. Более того, существует непонятное потакание великорусскому шовинизму. Например, обратимся к такой личности, как Василий Смирнов.

Как вода — сырая, как снег — белый, так Василий Смирнов — великодержавный шовинист. Василий Смирнов, пожалуй, единственный шовинист, который не скрывает своих взглядов. Он до того себя скомпрометировал, что его даже вынуждены были вывести из Секретариата. Но через полгода он был назначен главным редактором журнала «Дружба народов». *(Смех.)*

Товарищи, мы же знаем, что не он один исповедует такие взгляды. У нас в Союзе писателей есть черная... нет, не сотня, конечно, но — черная десятка, и безнаказанность ее поразительна. Безнаказанность выпустивших погромное произведение Ивана Шевцова «Тля». Безнаказанность некоторых украинских деятелей... Я был в Киеве и просто поразился тому, как там распоясались. Быстрей, быстрей домой, подумал я, к своим родным погромщикам!

Полная безнаказанность, повторяю, выпустивших такое произведение, как «Тля», и безнаказанность, к примеру, не выпустивших талантливое произведение И. Константиновского «Срок давности». Это антифашистское произведение было названо в отделе прозы издательства «Советский писатель» националистическим. В стенной газете издательства было даже написано, что проявлена бдительность в борьбе с сионизмом... Сейчас это произведение напечатано во многих странах и получило великолепный отзыв общественности.

Нужно наказывать не только за выпуск плохих и вредных произведений, но и за то, что годами затаптываются хорошие произведения!

В 1953 году я написал небольшую статью, которая называется «Вагон молчал». Пьяный дурак разглагольствовал, а вагон — молчал... Меня интересует не дурак-расист, а молчавший вагон: почему люди молчали? Я попытался сделать анализ этого. Но вот уже двенадцатый год не могу опубликовать эту статью.

Я думаю, что этот факт, сам по себе, также свидетельствует о неблагополучии в этом вопросе.

...Когда с трибуны писательских собраний звучит критика в адрес руководства, безответственные личности (а в Союзе писателей есть безответственные личности, которые всегда готовы на чужой спине, на чужом промахе лезть в рай...), безответственные личности говорят, что писатели не хотят партийного руководства... Мы все вот уж какой год питаемся слухами, ибо они для наших редакторов — руководящие указания. Мы слышим: «Егорычев сказал то-то, Демичев сказал то-то, Павлов шумел так-то». Это что — партийное руководство?! Мы устали от дерганья и шараханья... *(Аплодисменты.)*

Выступление на собрании Московского отделения Союза писателей 16 января 1968 года

Два года назад писатели Москвы поставили в известность секретаря ЦК т. Демичева о трудностях социальной литературы. Как было сказано и в отчетном докладе парткома, цензура обрела власть необъяснимую: запрещаются или уродуются произведения советских писателей. Тов. Демичев согласился, что так жить и работать нельзя. «Поправим»,— пообещал он.

И что же? Ввели цензуру в ее законные берега? Она занимается только государственными и военными секретами?

Ничего подобного!

С жестокостью и слепотой паводка она затопила всю социальную литературу. Союз писателей попытался спасти хотя бы несколько книг крупных художников — Солженицына, Бека и других? Какое! Мнение писательского коллектива ныне ничего не значит. Фигурально выражаясь, Союз писателей ушел под воду, как град Китеж. Только маковки пробиваются из-под цензурной глади...

Нашим колхозам официальным правительственным актом дали право самостоятельно решать, что сеять и выращивать. В промышленности — экономическая реформа. К общественной жизни привлечено много людей. Только Союз писателей вне этого естественного здорового процесса.

У каждого писателя есть гражданская совесть. У писателя-коммуниста есть еще и партийная совесть. Он отвечает за то, что пишет. Но это право — отвечать перед народом за написанное — у него отобрано. Писатель принижен, ограблен в самом главном — в праве выступать со своими сокровенными мыслями и чувствами перед народом, выступать ответственно, без участия некоей псевдотайной инстанции, которая присвоила себе права все на свете решать за него, вымарывая, что вздумается. Писатель-социолог чувствует себя ныне гражданином второго-третьего сорта. Он угнетен своим бесправием, угнетен воинствующим примитивизмом контрольных инстанций.

Но, может быть, все это не так? Может быть, контрольные инстанции имеют право на то, что творят? Давайте разберемся в этом спокойно, на основании фактов. Спокойно и вдумчиво.

В Ленинграде пьесу «Дион» запретили. В Москве — разрешили. Фильм «Перед судом истории» разрешили и в Москве и в Ленинграде, но запретили в Горьком и некоторых других городах. В одном из московских журналов имя Солженицына запретили упоминать даже в статье о советской литературе за рубежом. В издательстве, которое на соседней улице,— разрешили. *(Оживление в зале.)*

Из книги писателя В. Померанцева в течение последних десяти лет изымаются лучшие его рассказы. Об одном из них, к примеру, было сказано в официальном заключении, что он «дискредитирует советскую прокуратуру»... Спустя несколько месяцев рассказ появился в официозе Прокуратуры СССР — журнале «Социалистическая законность». *(Шум в зале.)*

Безапелляционность разрешающих инстанций стала бытом. Фильм Симонова и Ордынского «Если дорог тебе твой дом» восторженно принят зрителями, но запрещен в армии. А пьесу М. Шатрова «Большевики» официально так и не выпустили. Она идет без разрешения Главлита.

Бесконтрольное корежение текста, изъятие целых глав стало нормой. С кем из писателей ни заговоришь о разгуле цензуры, тебя перебивают: «Это еще что! А вот у меня...» *(Смех в зале.)*

Когда слышишь обо всем этом, тем более, когда испытываешь на себе самом, невольно вспоминается танковая атака, описанная Твардовским:

...лежишь в канаве,
А на сердце маета,
Что как сослепу задавит? —
Ведь не видит ни черта...

Но в самом ли деле Главлит так глух и слеп? А может быть, очень хорошо видит тех, кого давит своими гусеницами? Наблюдается ли какая-нибудь закономерность в том, что разрешают, а что запрещают? По каким целям ведется огонь? Порой огонь на уничтожение?

Годами не печатается Солженицын — это известно. Не печатаются произведения Аксеновой-Гинзбург и других коммунистов, вернувшихся из бериевских застенков и обратившихся к пережитому.

Это недостойный и, как показало время, бессмысленный акт.

Коммунисты западных компартий сейчас много говорят о том, что книга Аксеновой-Гинзбург оказалась самым действенным оружием против книги ренегата Светланы Аллилуевой. Светлана Аллилуева, пытаясь выгородить отца, твердит о том, что не отец виноват, а система. Советская коммунистическая система. Книга коммунистки Аксеновой-Гинзбург, судя по западной прессе, дает отпор клевете Аллилуевой. Образ большевички в книге Аксеновой-Гинзбург, которая даже в лагере, как пишет газета «Унита», «сохранила веру в людей, в партию, в несокрушимую силу ленинской правды»,— этот образ поразил западного читателя и во многом нейтрализовал вредное влияние аллилуевских писаний. Об этом упоминают почти все газеты и журналы Европы. И французский коммунистический журнал «Ля нувель критик», и итальянский журнал «Рассенья советика», и австрийский коммунистический журнал «Тагебух», и десятки других коммунистических, социалистических и даже буржуазных газет. Английская коммунистическая газета «Морнинг стар» посвящает ей, в частности, статью под названием «Героизм советской женщины». В статье прямо сказано: «Эту книгу должен прочесть каждый коммунист». Немецкий журнал «Шпигель» опубликовал портрет Евгении Гинзбург с подписью: «Верна системе».

А у нас? Как только не крестили Аксенову-Гинзбург, когда ее книга, неожиданно для автора, вышла на Западе! Как глумился над ней в одной из своих речей Семичастный! Даже такой книги мы не сумели трезво оценить... Впрочем, и сейчас, когда всем известно, какое значение приобрело произведение коммунистки Аксеновой-Гинзбург, оно у нас по-прежнему под запретом.

Я остановился на лагерной теме потому, что она преследуется ныне с особой жестокостью. А что выбрасывается из книг, которые все же выходят, из наших с вами книг? Каленым железом выжигается все, что направлено на устранение пагубных последствий культа личности, порой даже косвенное упоминание о том, что некогда существовал культ личности. Драматургу М. Шатрову в его пьесе «Большевики», о которой я уже говорил, Главлит не разрешил выводить на сцене таких деятелей большевистской партии, как Коллонтай, Енукидзе, Петровский и другие... Требуя убрать из пьесы товарищей Енукидзе и Петровского, зам. начальника Главлита Назаров оперировал обвинениями, предъявленными этим коммунистам в 1937 году.

Ничто не могло поколебать Главлит — даже статья в «Правде» — центральном органе нашей партии, где эти революционеры были названы верными ленинцами.

Самым страшным врагом Главлита стал призыв к правдивому слову. Вот пример тому, тоже самый свежий: 1967 год. Ноябрь. В сборнике «День поэзии» на грузинском языке, в стихотворении талантливейшего грузинского поэта Михаила Квливидзе цензура категорически запретила строки, венчавшие произведение:

И воздастся всему, и добру и злу...
И окажется достаточным одно слово,
Одно правдивое смелое слово,
Чтоб оправдать всю прожитую жизнь!

Как надо ненавидеть правду, чтобы запретить эти строки!

Что говорят писателям — коммунистам и беспартийным,— когда те пытаются отстоять свое детище? Что говорят, когда не могут возразить по существу? Отбросить без всяких объяснений? Твердят: «Не время!», «Обстановка не позволяет!», «Надо подождать», «Погодить пока что». Погодить... Эта «концепция» была известна еще Щедрину...

«Однажды заходит ко мне Алексей Степаныч Молчалин,— пишет Щедрин в «Современной идиллии»,— и говорит: «Нужно, голубчик, погодить!» Разумеется, я удивился. С тех самых пор, как я себя помню, я только и делаю, что гожу. Вся моя молодость, вся жизнь исчерпывается этим словом, и вот выискивается же человек, который приходит к заключению, что мне и за всем тем необходимо умерить свой пыл... Да что же, наконец, вы хотите этим сказать?»

— Русские вы, а по-русски не понимаете. Чудные вы, господа. Погодить — ну, приноровиться, что ли, уметь вовремя помолчать, забыть кой об чем, думать не о том, об чем обыкновенно думается, заниматься не тем, чем обыкновенно занимаетесь. Например, гуляйте больше, в еду ударьтесь... письма родным пишите, а вечером — в табельку или в сибирку засядьте. Вот это и будет «погодить»!

Так мы порой и годим. Годим год, два, десять.

И вдруг выясняется, что отнюдь не все запрещают. Не всем писателям советуют «погодить». Напротив, немало прозы и стихов, имеющих прямое отношение к культу личности Сталина, не только не запрещается, но, наоборот, печатается огромным тиражом. Выдвигается на первую линию огня. К примеру, разрешен роман Закруткина «Сотворение мира», книга 2-я. Журнал «Октябрь» № 6 и 7 за 1967 год.

«Ты Сталина не тронь,— с угрозой в голосе говорит противнику Сталина положительный герой, высказывания которого В. Закруткин не корректирует.— Мы знаем, почему Сталин встал вам поперек горла... Потому что он отстаивает идеи Ленина и пресекает любую попытку изменить Ленину... Именно поэтому вы боитесь Сталина, как огня». Закруткин словно бы и ведать не ведает документов партии о борьбе с троцкизмом, о том, что борьбу эту возглавлял ЦК, что на XV съезде доклад «Об оппозиции» делал Орджоникидзе. Он приписывает заслугу разгрома оппозиции одному человеку. Ну а как же со всем тем, что сказала партия о Сталине? Ведь это напечатано не в тридцатые годы, а сейчас, в 1967 году?..

В. Закруткин заранее отвечает на этот вопрос. Отвечает недвусмысленно. «Кто знает,— меланхолично и трогательно размышляет о Сталине положительный герой Закруткина (Долотов),— может, тюрьмы, ссылки, таежное одиночество, холод и голод, все, что он перенес, действительно ожесточили его душу, сделали его резким и грубым, но он по-солдатски верен и предан Ленину (!) и всей своей силой и волей защищает учение Ленина от оппозиционной сволочи, бережет чистоту и дисциплину партии».

Итак, по Закруткину, XX съезда не было. Как говорится, приснился в дурном сне.

Кажется, дальше уж ехать некуда. Но, оказывается, иные ростовские писатели — робкие провинциалы по сравнению со столичным поэтом Сергеем Смирновым. Поэт С. Смирнов, по мнению газеты «Литературная Россия», выступает от высокого имени народа. Там эти слова есть. Что же говорит он от этого высокого имени? В журнале «Москва», в 10-м номере за 1967 год? Даже если эти дифирамбы Сталину вам известны, их нельзя не повторить здесь.

...Не о нем ли, как о капитане,
Мы трубили тоже неспроста!
Это он в годины испытаний
Не сходил с командного поста.
Это мы, по-своему законно,
Чтили в нем могущество свое,
Из живого делали икону
И молились, глядя на нее.

Товарищи! Вдумайтесь только! Трубили неспроста! Законно чтили! Законно молились на Сталина! Законно делали икону! И это пишется и печатается — снова вынужден повторить — не в сороковых годах, а в 1967 году, на пятидесятом году Советской власти, в юбилейном, тщательно подготовленном номере.

В юбилейных Тезисах ЦК Коммунистической партии сказано, как вы знаете, прямо противоположное: «Проводя курс на дальнейшее развитие социалистической демократии, партия на XX съезде решительно осудила культ личности Сталина, который выражался в чуждом духу марксизма-ленинизма возвеличении роли одного человека, в отступлении от принципа коллективного руководства, в необоснованных репрессиях и других нарушениях социалистической законности, нанесших ущерб нашему обществу».

Генеральный секретарь ЦК тов. Брежнев еще раз подтвердил незыблемость позиции партии в своем юбилейном докладе.

А С. Смирнов в юбилейной же поэме твердит наперекор партии:

...Я и сам еще не знаю
Объективной истины о нем...

Значит, по прямому смыслу смирновских строк, основополагающие документы нашей партии объективной истины не выражают? Пусть, мол, в ЦК пишут, что хотят, а мы тут знаем свое! Поразительно! Но именно эти строки вызвали особую похвалу газеты «Литературная Россия», которая устами писателя Михаила Алексеева заявила: «Не скажи этого последнего, поэт не исполнил бы долга, добровольно возложенного на себя». И затем лишь, скороговоркой, без цитат, М. Алексеев говорит, что поэт главного еще не сообщил, и они явились, главные строки поэта, о залпе «Авроры», о партии.

О партии, добавим, ленинские взгляды которой С. Смирнов подверг публичному поношению. А вдумайтесь-ка, товарищи, в эти позорные рабские строки:

И тогда, возвышенный над каждым,
Он ушел от нас не одинок.
Сотни душ растоптанных сограждан
Траурный составили венок.

(Шум в зале.)

Что это такое? Сталин унес в могилу миллионы коммунистов, а народ — по С. Смирнову — с восторженным чувством даже венок ему сплел из убитых, растоптанных душ?! *(Шум в зале.)*

Это у С. Смирнова не описка. Не ошибка. Это еще один прямой удар по решениям партии. Более того — глумление над ними.

А что же газета «Литературная Россия» и ее автор — писатель Михаил Алексеев? Протестуют против кощунства? Ну, хотя бы против вот этого — бесчеловечного кроваво-средневекового возвеличения Сталина?

Ничуть не бывало. «По сложившейся традиции,— пишет М. Алексеев,— мне бы полагалось отметить и недостатки работы С. Смирнова... Я же нахожусь по сию пору под сильным впечатлением от прочитанного и пока что, кроме слов благодарности, ничего не имею сказать Сергею Смирнову за его замечательный труд».

Ну а как отнесся к этому Главлит? Как видим, он благословил и С. Смирнова и М. Алексеева. Это напечатано. Михаил Алексеев не частное лицо — он влиятельный руководитель Союза писателей РСФСР, который, как вы знаете, вот уже несколько лет широко шагает по служебной лестнице. Значит, антипартийные разглагольствования С. Смирнова развернули, как юбилейное знамя,— не только Главлит, но и руководитель Союза писателей РСФСР...

Но, может быть, товарищи, все же это случайность? Недосмотр или групповщина? Приятельские отношения? Словом, частный случай?

Нет!

За подобные взгляды не только С. Смирнова, но и любого писателя или поэта благословляют, благодарят. Стоит им только недвусмысленно выступить против линии XX съезда партии.

Многие ли из вас знали о молодом поэте Ф. Чуеве? Он еще ничем не обогатил литературу как поэт. Известно было только, что над ним шефствует кто-то из ЦК ВЛКСМ, в частности рекомендует его для поездки за границу. Но вот Чуев показал свое политическое лицо, стал писать о Сталине. Да так писать, что этим немедля были вынуждены заняться общественные организации. В военной части привлекли к строжайшей партийной ответственности офицера, который распространял стихи Чуева.

Унялся ли Чуев? Нет! В различных учреждениях, вызывая скандалы, он читает свои стихи, в которых рефреном проходит главная мысль: «Верните Сталина на пьедестал».

Ф. Чуеву к пятидесятилетию Октября вручена правительственная награда — медаль «За трудовое отличие». Вот ведь как отличился Ф. Чуев!..

Каверин не отличился, Бек не отличился, потому их ничем и не отметили. А Чуев отличился! Кто ответит за то, что ЦК партии был введен в заблуждение? Кто, конкретно, кто воспитатели этого хунвейбина в Союзе писателей? В издательстве?!

В конце концов, у нас будут отвечать за те кадры, которые воспитываются?

Когда пытаются отмести критику рецидивов прошлого, твердят порой и так: «Не надо ворошить старое», не надо «бередить раны» или «сыпать соль на раны» и так далеее, и тому подобное... Но ведь не кто иной, как именно они — В. Закруткин, С. Смирнов, Ф. Чуев и подобные им — «бередят раны», «ворошат прошлое», приковывая к нему разгневанное внимание народа и отвлекая от сегодняшних забот.

Ленин говорит, что нельзя врать даже врагам. У нас лгут друзьям. Сколько лгали за последние годы! Лгали о Пастернаке, о Солженицыне, лгали о Вознесенском, об Евтушенко, об Евгении Гинзбург, о Булате Окуджава. Лгали, что они не патриоты, что они потворствуют отсталым элементам... Чего только не лгали! Мы так привыкли ко лжи, что порой не заботимся даже и о тени правдоподобия. Мы втягиваем в эту ложь самих писателей, которые вынуждены говорить неправду, лгать, что называется, в порядке высокой дисциплинированности.

Получается — призывы-то не обращаться к прошлому, не «бередить раны», «не ворошить» — ханжеские призывы. А Бек — не вороши, Е. Евтушенко — не вороши, Евг. Гинзбург — не вороши, Е. Мальцев — не

сметь, а С. Смирнов — пожалуйста!.. Смирнов прекрасно уловил это и, зная (кто из нас этого не знает!) о запрещенных книгах серьезных писателей, о запрещенных главах, о выброшенных абзацах — о подлинных бедах своих товарищей по литературному цеху, пишет в той же поэме с поразительным цинизмом:

Сочиняй, как требует эпоха,
И не празднуй труса вместе с тем.
Хоть убей, а сказано неплохо:
— В наше время нет запретных тем...

Нет запретных тем именно для Смирнова, для Закруткина и иже с ними...

Хоть убей, лучше не скажешь!

Я знаю, безответственные элементы — в какой уже раз! — начнут трубить, будто писатели, особенно московские, требуют свободы печати для всех — от монархистов до анархистов... Ишь-де чего захотели!..

Так что же, старая большевичка Драбкина, работавшая с Лениным,— анархистка? Ее книга воспоминаний «Зимний перевал», единодушно одобренная нашей партийной организацией, без конца задерживается. Или, может быть, автор «Волоколамского шоссе» А. Бек — монархист? Клейма негде ставить на наших литературных вопленниках!..

Да, мы требуем свободы! Но свободы не от партии, кровь от крови, плоть от плоти которой — мы сами. Интересы партии — наши интересы. Мы требуем свободы от извращенной линии партии, безнаказанно осуществляемой воинствующими групповщиками... Идеологические диверсии зарубежных недругов нашей страны в последнее время участились. Враги и раньше не брезговали ничем: ни перебежчиками типа Аллилуевой, ни клеветниками.

(Председатель. Вы говорили 20 минут.
Голоса. Дать еще!)

Теперь взяты на вооружение и наши доморощенные реакционеры. Их охотно цитируют за рубежом. Их позиции как нельзя лучше укладываются во враждебный тезис, будто извращения культа личности Сталина органически присущи системе коммунизма. Враг понял, что нет на свете более страшной, более взрывной идеи, чем утверждение, тем более в некоторых советских книгах, будто Сталин — это верный ленинец, будто Сталин всегда отстаивал идеи Ленина. Эта архиклеветническая мысль — для врагов сущая находка. Ведь они соотносят ее сейчас с великой трагедией китайского народа, с бесчисленными убийствами коммунистов под лозунгами: «Да здравствует Мао Цзе-дун! Да здравствует Сталин!»

Мы называем себя интернационалистами. А в какое положение мы ставим своих товарищей — коммунистов Италии, Франции, да и всех зарубежных коммунистов, которые вынуждены выгораживать нас перед своим всесторонне информированным читателем!

...Сколько уж лет мы говорим о групповщине в Союзе писателей. Заклинаем ее. Требуем примирения сторон... Одни говорят, что писателей разделяют жанры, другие — что возраст, третьи намекают на литературные пристрастия и издательские связи.

Все это — пустейшая болтовня! Надо сказать прямо. Да, в Союзе писателей две группы. Их разделяют не жанры, не возраст, не литературные пристрастия. Водоразделом между ними является XX съезд партии. *(Аплодисменты.)*

И когда мы говорим о консолидации, давайте скажем полную правду, не может быть консолидации писателей — коммунистов и беспар-

тийных — вне главного вопроса нашего времени — вопроса о XX съезде партии. Како веруеши? Выстрадал ли ты вместе с партией и народом великие решения этого съезда или ты переродженец, замышляющий предать их?! Консолидация — только на партийной основе! Никаких беспринципных блоков и группочек!

Остается рассмотреть самое важное. Почему живучи эти антипартийные тенденции? Кто гальванизирует их? И главное — зачем?

В последнее время просто ожили люди, крикливо выступающие за реабилитацию Сталина. Среди них и иные литераторы, главным образом те, кто в прошлом возвышались средствами, далекими от литературы. За Сталина все, кому собственные привилегии дороже интересов партии и народа.

Этим людям нужны порядки, утвердившиеся при Сталине, хотя они отлично знают, что эти порядки стоили жизни миллионам их сограждан. По сути, им необходим произвол.

Недобросовестные люди могут сказать, что я сейчас акцентирую внимание на Сталине, на прошлом.

Но... пройдем мимо недобросовестных людей. Как видите, я говорю о сегодняшнем дне литературы, о сегодняшней реальной опасности, о тех, кто порой и сами не скрывают, что не в имени дело, а в одном лишь: в праве на произвол. Поэтому-то так жестоко преследуются книги, в которых пусть нет ни Сталина, ни лагерей, но где анализируются механика и психология произвола в обыденнейших условиях нашей жизни. Остановлюсь только на одном примере. На собственном. Не хотелось говорить о себе, но, простите меня, очень уж это болит.

Тридцать лет назад, в 1954 году, я написал роман: «Государственный экзамен». О судьбе кибернетики в 1949—1953 годах, о мужестве ученых, отстоявших науку от поругания, об ученых, запустивших в конце концов спутник.

Книга не может выйти вот уже 13 лет. Даже подписанная в печать издательством «Советский писатель», книга задержана цензурой. Задержана, как и другие книги, где обличается повседневный чиновничий произвол. Кто за это ответит? Никто! В отделе пропаганды ЦК говорят: «Требуйте от издательства!» В издательстве кивают на Главлит... На поручика КИЖЕ...

Искоренение дискуссионных книг — симптом особо опасный. Это значит — не нужны мыслящие люди. Мыслящий в условиях произвола — это, в потенции, инакомыслящий.

В архитектуре существует такое понятие: «иезуитский стиль». Наружная церковная стена продолжается и на втором этаже, но уже как стена ложная, декоративная. За ней — совсем иное, чем кажется с первого взгляда.

Этот иезуитский стиль, оставшийся от прежних лет, все еще не преодолен в нашей идеологической работе. Да он и не мог быть искоренен, коль сама организационная структура руководства искусством осталась прежней. Снаружи — декоративная стена: правильные речи, посулы, цитаты. А за ними, за этой стеной, Главлит — секрет полишинеля в идеологии. Главлит, получивший неслыханные права, Главлит, чаще всего, некомпетентный, но всегда обладающий правом запрета. Почему этот давно скомпрометировавший себя стиль все еще жив? Создается впечатление, что Главлит нередко дезинформирует Политбюро ЦК, оперируя выхваченными из контекста цитатами, репликами, принадлежащими отрицательным героям, и прочее.

Как необходимо, чтобы руководители идеологической работы, члены Политбюро ЦК время от времени приезжали сюда, в Союз писателей, и говорили с нами без посредников *(аплодисменты)*, не всегда, как показала жизнь,— объективных.

Я хотел бы обратиться к этим товарищам с тревожным вопросом: когда же уберут барьеры на пути литературы, исследующей жизнь?

Может быть, хватит уступок запретителям, позорящим высокое звание коммуниста; пора дать бой тем, кто не думает ни о своем народе, ни о международном коммунистическом движении, тем, кто наносит ущерб достоинству и престижу нашей страны. *(Аплодисменты.)*

Ольга ВОЛОДЕЕВА

ЭТИКА ИЛИ ПОЛИТИКА!

Размышления о фестивале инвалидов, об олимпийских огнях и о нас...

«Мы талантами не торгуем»

Больная экономика, больное общество... Мы устаем от этих трескучих слов, как уставали некогда от мнимого благополучия. Видимо, всякий нормальный, цивилизованный человек рано или поздно устает от фальши. А ведь на самом деле все просто: одна социальная болезнь влечет за собой другую. Один безнравственный поступок общества ведет к другому... Политика спортом делалась. И это была болезнь. Олимпийские огни для советского человека были чудом, как завоеванный космос, как чуть раньше завоеванные степи целинные, а затем покоренная болотистая Сибирь. Люди устали от лжи. И восьмидесятые, начало которых отмечено в судьбе отечества Афганистаном, ссылкой Сахарова, смертью Высоцкого и «плачущим» на фоне олимпийских колец игрушечным мишкой, заканчиваются в нашем сознании взрывом совести и переосмыслением целого века. Произошло в конце минувшего года одно малозаметное пока явление. Это фестиваль для детей-инвалидов, организованный Советским детским фондом, Госкомитетом по народному образованию и пионерской организацией нашей страны. Мы не можем пока без пионерского задора ни шагу сделать. Вот и здесь, чтобы двинуться с места, понадобилась идея, а она исходила от «Пионерской правды», опубликовавшей письмо из московского интерната для детей со спастическими параличами. «Мы все можем!» — так называлась публикация. И фестиваль назвали так же.

Первый концерт проходил в маленьком зале Центральной республиканской детской библиотеки. И мне, откровенно говоря, было жаль, что проходит он там, а не во Дворце съездов, где кипели в те дни необычайные страсти. Посмотрели бы тот концерт народные депутаты! К примеру, после какого-нибудь вечернего заседания. Это не менее важно, чем «Хованщина», показанная в те дни нашим избранникам. Ведь со словом «фестиваль» мы всегда увязываем благополучие. А этот был для нашего общества, во-первых, не совсем привычным, во-вторых, уж никак не рисовал благополучие и процветание державы.

Сейчас-то, что и говорить, всем миром ринулись спасать самых несчастных. Ну а раньше-то где были? Неужели никто ничего не пони-

мал? Ирина Роднина, звезда наших взлетов на катках мира, в момент окончательного падения общества, вспоминает: «На всех чемпионатах Европы, мира было так. Получаем мы свои награды, заканчиваем показательные выступления и предлагаем устроить шоу. За деньги, естественно. А деньги перечислим тем, кто нуждается в них. Ответ неизменно бывал один: «Наша страна на это не пойдет. Наша страна богата талантами, но мы своими талантами не торгуем».

Политика спортом делалась. Благополучие и фальшивое процветание державы ушло пока в историю. Теперь у нас появился другой «бог». Милосердие трогательно, умилительно снизошло на всех разом. Мы как по команде стали добрыми. Но я верю, я надеюсь, что милосердие не станет политикой, а останется лишь этической нормой человека.

Это было в городе Зверьграде...

...Они выходили на сцену с воздетыми к человечеству руками. Кто-то в темных очках, кто-то без них. Так идут по жизни только слепые. Артистам было лет восемь — двенадцать. «Бедненькие»,— шепнул кто-то в зале. А мне вот так не показалось. Потому что — это было ощутимо — мир каждого из них необычайно богат. В зале сидели зрячие. А что знаем мы о слепых? Кажется, читали в детстве «Слепого музыканта» Короленко. Что можно к этому добавить? Разве что книгу перечитать... В зале сидели зрячие, и, пока пели дети, пока лилась волшебная музыка из глубин их душ, мне вспоминались слова доктора С. Федорова, прозвучавшие в одной телевизионной передаче: «Люди не всегда хотят прозревать. Ведь это тяжело: прозрели — и увидели жизнь нашу». Неужели это была не шутка доктора-мага XX века?! Неужели это в самом деле про нас всех?!

Фестиваль для детей-инвалидов начался в Москве в конце прошлого года и будет проходить в течение 1990 года по всей стране — во всех интернатах для детей с какими-либо физическими недостатками (а таких интернатов у нас две тысячи). Зачем нам этот фестиваль? За этим «зачем» — тысячи вопросов. Первоначальная цель — выявить таланты, нуждающиеся в нашей помощи. Найти их, чтобы творчество инвалидов стало доступным миру, а автор почувствовал себя человеком, все-таки не выброшенным из общества.

Снисходительность наша — вещь весьма обманчивая. Не надо думать, что мы делаем что-то необычное. Фестивали инвалидов проводятся во всем мире и неоднократно проводились даже в нашей Эстонии. Это норма. И для человека страждущего, и для того, кто протягивает ему руку. Как героически мы прошли через покаяние! А может, покаяние-то только начинается? Ведь мы давно забыли о таком простом понятии, как человеческое достоинство, но есть древние и четкие критерии, по которым можно о нем судить: отношение к рождению человека, к смерти, а еще ощущение жизни в больном или слабом. Может быть, человеческое достоинство и гражданская совесть стоят в одном ряду? И именно эти начала движут творчеством, не дают человеку умереть, даже если он неизлечимо болен. Может быть, после того как пройдет этот первый фестиваль, нам откроются не только новые таланты, но и хорошо забытые старые истины. А пока на сцене — сказка.

...В городе Зверьграде, столице далекой сказочной страны, жили-были старик со старухой. И дальше — текст и сюжет «Колобка» с деликатно вмонтированными сценками и словами о пустых прилавках («муку-то негде взять») и о прочем. Этот блистательный кукольный

спектакль, придуманный Ю. Константиновым с учениками 45-й школы для детей с нарушениями речи, превратился в настоящую политическую сказку. Куклы изготовлены специально для спектакля Е. Константиновой. Стихи написаны Анной Цуркан. В гротескных пантомимах и танцах участвовали ребята из экспериментальной театральной лаборатории глухих.

...«Кто-то думает за нас, кто-то за нас решает»,— говорит нам взявшийся неведомо откуда маленький человечек в пантомиме. А в это время некто невидимый стоит за спиной и руководит. Все так просто в жизни, когда кто-то за нас решит, придумает, осуществит... И все же, если бы только эта мысль звучала в контексте представлений своеобразного, не похожего ни на один другой театр, которым руководит Ольга Романовская,— если бы только эта мысль вверялась нам, спектакль был бы слишком прост. Но пантомима — это тот жанр, в котором мир наш до конца искренен. Есть один знак в международном языке жеста: два пальца — мизинец и указательный — и сжатый кулак, поднятый вверх, означает: «Я люблю вас!»

«Я люблю вас!» — говорили нам ребята, уходя со сцены. «Я люблю вас!» — говорили они нам всей своей постановкой. А мы любим ли их?

...Говорят, денег у страны нет. В том числе на милосердие. Мы слишком долго воевали, побеждали, боролись, забывая в победах своих — победах за счастливое будущее человечества — одного конкретного человека. И особенно того, кто не в милости нуждается, а в помощи. И перестройка нас тут оправдает: денег нет у страны...

Счет №...

...Денег нет, и с неба они не свалятся. Когда мы поняли это, то и отношение к ним стало иное. Может быть, и поэтому при Советском детском фонде имени В. И. Ленина недавно создана спортивная благотворительная организация (ее счет № 707910), и называется она «Спортсмены — детям». Возглавили ее Гарри Каспаров и Ирина Роднина. С ними вместе пришли в Детский фонд Вячеслав Фетисов, Сергей Стариков, Андрей Чесноков. Их никто не заманивал, никто не зазывал. Они пришли сами. Пришли действовать. И спортивную удачу свою, и свою популярность направили к детям. Не заласканным родителями, бабушками и хорошей школой. К другим — вчерашним подкидышам, бродяжкам, инвалидам. Вскоре к спортсменам примкнул и педагог — из тех макаренковских когда-то, а теперь директор детского дома Антон Семенович Калабалин, не любящий круглых отличников, потому что «они — часто лицемеры», и умеющий хорошо считать деньги и контролировать их расходы. Есть в ассоциации свои юрист, экономист, врач.

Мне довелось встретиться с ее учредителями после их первой поездки в США. Поездку организовали с нашей стороны Фетисов и Стариков, с американской — команды «Нью Джерси Дэвис», с которыми наши хоккеисты и заключили контракт о взаимной деятельности. «В Америке организация такой денежной помощи нуждающимся — это норма. Есть деньги — помоги. Вот и все»,— говорит Вячеслав Фетисов.

Итак, с чего же начали наши спортсмены? Летом прошлого года в крупнейший медицинский центр в Хьюстоне были направлены на лечение тяжелобольные советские дети с острой почечной и сердечной недостаточностью. В Детском фонде скапливается много писем с последним криком надежды: «Помогите! Отправьте моего ребенка на лечение за границу». И вот впервые попытка помочь таким детям осу-

ществлена. Конечно, возникает вопрос: кто же эти дети? Направляют тех, от кого отечественная медицина «отказалась». И слава богу, что у кого-то из врачей прорвалось честное признание: не можем, бессильны! Куда хуже было, когда «могли все» наши медики. Финансируется помощь советским детям в США нашими и американскими спортсменами.

Люди хотят быть счастливыми. Все, без исключения. Люди хотят наслаждаться жизнью. И наверное, особенно сильно этого хотят приговоренные к больничной и детдомовской каторге. Поэтому, когда на валюту, заработанную в США, наши хоккеисты привезли изготовленную там детскую спортивную форму для двух подмосковных детских домов, удивлению не было предела. Стоимость одной формы 250—300 долларов, коньки стоят 100—120 долларов. «Показуха!» — подумалось невольно в первую минуту: слишком цепко в нас желание шарахаться от красивого. Или — что эти 150 форм для счастливого детства страны? А может, начать с чего-то? Тем более не для внуков Политбюро сшиты формы, а для обычного детского дома.

Конечно, если завтра количество работающих на Детский фонд спортсменов удесятерится, то и количество спортивных форм тоже, наверное, удесятерится. Но не об этом речь. Речь о том, что мы наконец-то стали пытаться найти нечто главное, отчего жизнь так долго и у стольких людей остается серой, тошной. Конечно, надо покупать не характер (надо же нам в чем-то переломиться). Нужны транспорт для детских домов (этим, кстати, звезды нашего спорта занимаются весьма активно) и оборудование для ожогового центра (этой проблеме отдал себя Чесноков). Надо устраивать выставки. И при всем этом оставаться самими собой. Быть звездами.

«Я знаю, на себе испытал, что такое для оборвыша кумир,— говорит А. Калабалин.— Это значит — ты кому-то нужен!»

Политика спортом делалась. Это было давно. А сегодня?

И я обратилась со всем комом вопросов к Ирине Родниной.

— Ирина, вот Калабалин говорил о том, как нужны кумиры детдомовским детям. Понятие «кумир» с годами, конечно, переосмысливается. Это зависит и от общей ситуации в стране. Вот и сейчас процесс, который во всех нас происходит, меняет что-то местами. Вы были моим кумиром — правда, очень давно. И сейчас у своего кумира юности я хочу спросить: это не безумие — то, что вы затеяли?

— Нет, безумие — это когда нет конечного результата. Когда дела нет.

— Понимаю, лучше тяжелобольной и живой, чем погибший человек. И все же... Спасете несколько человек, кампания вокруг будет очень шумная. А в это время тысячи инвалидов будут умирать в мучительных условиях, окруженные антигигиеной, хамством, отсутствием медтехники...

— Знаете, если на все так смотреть, то нам всем в этой стране следует замкнуться, замолчать, перестать о чем-либо думать и ждать своей жалкой участи, которая рано или поздно всех постигнет при такой постановке вопроса. У любого человека должна быть надежда, маленькая в душе щелка, в которую попадает солнечный луч. В любой ситуации. Только так можно выжить. А ведь и нам, крепким на вид, удачливым — вон звезд нахватали... нам тоже нужна поддержка жизненная, то есть надежда. И представьте себе, мы, самые счастливые, как считают многие, ищем свою надежду. И находим ее в том, что уходим в творчество, в поиск. В том, что отдаем. Происходит естественная вполне встреча людей, которые хотят что-то отдать, и тех, кому наша помощь необходима.

После большого спорта, столкнувшись со всей нашей будничностью, некоторые спортсмены не выдерживают: начинается ностальгия по былой славе. А ведь это чувство пустоты может исчезнуть, как только почувствуешь, что еще кому-то нужен. Сиротам в детских домах и особенно — детям-инвалидам.

— Вы верите в успех в своей новой деятельности?

— Да, если придут к нам люди разных профессий. При сложении сил и творческой энергии мы действительно сможем чего-то добиться.

— Вы пока единственная женщина на руководящем посту?

— Мы пока никем не руководили. Мы работать хотим.

— Как вы думаете, Ирина, тот век олимпийских огней, который выпал на вашу юность и судьбу, век, печально названный эпохой застоя, и те барьеры,

которые приходилось преодолевать, если сравнить это с сегодняшним, что труднее? То или это? Тогда или теперь?

— Ну, сейчас страшнее. Потому что мы окунулись в жизнь, а не в победы. Те одиннадцать месяцев, которые я проработала в ЦК ВЛКСМ, когда ушла из спорта, позволили мне узнать нашу страну не по каткам и спортивным сооружениям, не в свете олимпийских огней. Я знала раньше большие красивые развитые города. Теперь пришлось поездить по далеким поселкам, куда и добраться-то можно только на лошади, или на тракторе, или на лодке. И необозримая карта нашей страны — со всеми нанесенными на нее полезными ископаемыми и городами — стала восприниматься не абстрактно, а «живьем».

...После разговора мне вспомнился 1970-й, чемпионат мира по фигурному катанию. Все смотрят Роднину взахлеб... В тот день, когда Роднина стала чемпионкой мира, я принесла вечером домой письмо. «Ну, почитайте, разве это возможно?» Я работала в Мосгорсобесе, от 10 до 19 часов писала письма, все одинаковые: «По существу вашего письма сектор пенсий и пособий сообщает, что пенсия вам назначена правильно...» Я редактировала эти ответы, нарываясь на гнев начальства: «Почему ты убрала отсюда «по существу»? Да, не задерживайся сегодня. Роднина вечером...»

...Ее коньки скользили, она летела над планетой. Я читала у телевизора письмо про слой вечной мерзлоты, про Колыму, про 58-ю, про инвалидность, про пенсию, которая назначена «по существу» (это была жалоба с просьбой «не передавать письмо в собес»). Я читала письмо и смотрела Роднину. Коньки скользили по искусственным льдам, а слой вечной мерзлоты остался в трех собесовских шкафах...

— Понимаете, что получилось? Я всю жизнь, можно сказать, страну напоказ выставляла, не зная ее при этом совершенно. А тут, занимаясь маленькими делами, стала узнавать страшную нашу будничную жизнь.

— Ирина, когда-то я преподавала в одном из медучилищ Москвы и многое об изнанке нашей жизни узнавала от своих учеников, а те — от Юлии Яковлевны Родниной, вашей мамы, которая работала тогда в Институте педиатрии... Неужели вы от мамы не слышали всего, что происходило?

— Знаете, чтобы понять, надо все-таки один раз увидеть. Теперь я вижу весь этот кошмар. А тогда... тогда я стояла под государственным флагом...

После этого разговора я подумала вот о чем. Люди считают и говорят, что у нас перестройка нравственная. Это вот что значит: «Вот я сдал десять рублей после землетрясения, потом еще пять...» Нет, перестройка нравственности нашей в том, что милосердие душ стало обретать силу в милосердии дел. Не по списку сданные деньги определяют уровень милосердности государства, хотя, конечно, милосердием измеряется этическая норма человека. И у каждого она своя. Это не зависит от того, существует в стране официальное движение интеллектуалов или нет, объединились спортсмены в ассоциации, чтобы помогать детям, или нет, есть ли в стране Детский фонд или нет... Милосердие всегда было, есть и будет.

Наверное, политика начинается с этики. Но нам бы не смешать эти понятия. Нам бы не убить в себе эти зачатки доброты, которая робко подает голос внутри самого человека в тот миг, когда мы чуть не взрываемся от эпидемии злобы. Не убить бы нам этику в самих себе — борьбу добра и зла — древнейшее осознание человечеством самого себя. Этика и милосердие должны с политикой бороться, ибо человечность до конца бывает бескомпромиссной, а политика в компромиссах нуждается. Ох, если разделим мы эти понятия, то не будет наше государство воинственным... И деньги, расходы государственные уже не как подачки, а как естество будут направлены к самым нуждающимся.

Реабилитировать ребенка!

Я хотела уже поставить точку. Но необходимо уточнить некоторые обстоятельства. Со времени создания ассоциации спортсменов прошло больше чем полгода. За это время стало очевидным, что мы не расплатимся с медиками цивилизованного мира за изуродованных детей

нашего общества — ни деньгами, ни ресурсами. С каждым годом катастрофически растет число детей, приговоренных не только к страданиям физическим, но и к бесконечной нравственной боли, обиде на большой и сильный мир. Все больше, все чаще, все страшнее звучат слова: «Необходимы центры психологической реабилитации!» Только это может нас спасти. Что будет там?

В Америке тяжелобольные дети сами говорят, чего хотят, и желания их неукоснительно выполняются. Они — приговоренные, их желания святы. Хочешь увидеть знаменитого бейсболиста? Хорошо! И бейсболист прилетает из другого конца страны, из-за границы, если нужно. Хочешь увидеть кинозвезду? Пожалуйста! И кинозвезда, оставив съемочную площадку, приезжает. Чтобы утешить, успокоить, развеселить... Для нас такое — поступок. Для западного мышления — этическая норма. А ведь было так и у нас.

Бродили по России талантливые народные певцы. Были они слепыми и называли их калики перехожие. Их почитали особенно. Никакой физический недостаток не мог помешать развитию таланта. Потому что находились благодетели и помогали. Люди, глубоко перестрадавшие, больные, поддерживались церковью и народом. Их уважали. И уважение это сохранилось чуть не до 50-х годов нашего века, когда усиленно стало вырисовываться внешнее благополучие общества. Не тогда ли мы отвернулись от инвалидов? Они исчезли с улицы, их стали стыдиться. Но для здоровяка 60—70-х не было этого понятия — инвалиды. Война давно прошла, а про мирные перевороты не слышали. И про экологию не знали, и про химию (только бы в школе сдать экзамен!). А Афган был впереди и Чернобыль тоже... И наши современные калики перехожие прятались у себя в доме, забытые богом и обществом. И уходили в неизвестность, быть может, Гомеры (он ведь тоже был слепой), быть может, Рузвельты. Это к вопросу о фестивалях — о том, для чего они. Для публичной жалости или другого...

В письмах, которые я получаю, мне встретилось недавно такое: «Не надо ездить по стране — утешать по одному несчастному. Надо комплексную программу действий выработать. Радикальную». Но ведь мы уже хорошо поняли, что, если из одного кармана переложишь в другой, страну это не спасет. Нет денег... Но России нужны не только деньги. Таланты нужны, несмотря на то, что их вроде много теперь. А все равно нужны! Из горения творческой натуры, может, и зародится умная идея: что делать? Как помочь детям-инвалидам? Идеи нужны. Их ждут всюду, особенно в Детском фонде. Ведь это первый фестиваль детей-инвалидов. Он проходит всюду, во всех интернатах, городах, и закончится осенью в Москве. Кстати, этот фестиваль неформальный. Значит, можно действовать, не ожидая никаких указаний. Надо исцеляться, лечить не только больных детей, но и здоровых взрослых, избегающих отрицательных эмоций.

...В детской библиотеке был обычный рабочий день. Ребята приходили сдавать книги, выбирали новые, а по пути домой останавливались у вывешенных в холле рисунков незрячих девочек — девятилетней Ники Зеленской и пятнадцатилетней Нади Бодровой. Странная, но по-своему радостная жизнь смотрела на них: гуляющие влюбленные пары, лошади с человеческими лицами, дорога. Лучезарная дорога, уводящая к доброте.

Белла Леонидова

БЕСПОКОЙНЫЕ БУДНИ ЗАГСА

— Мы — типичные бюрократы! Мы работаем только с бесспорными документами.

«Мы» — это работники отделов загс, а та, которая непривычно откровенно признается в причастности к скомпрометировавшей себя бюрократии,— Валентина Дмитриевна Агибалова, заместитель заведующей городским загсом, курирующим работу тридцати трех (по числу районов) загсов столицы.

Стандартные типографские бланки для записи актов гражданского состояния сами по себе скучны и невыразительны. Но заполненные и по всем правилам заверенные, они становятся как бы книгой нашего бытия, в которую внесены основные вехи судьбы: рождение, брак, смерть — начало и конец земного пути. Оформленный в строгом соответствии с законом, бланк превращается в документ, и превращение это совершается в отделах загс. Бесспорность же документов следует из несомненности свершившегося факта, будь то рождение ребенка или процедура бракосочетания. Кстати, это вовсе не означает, что в отделах загс царит торжественный покой, нарушаемый лишь поздравительными речами и постукиванием печатей. Какой покой может быть там, где дело касается живых людей! Хватает и вопросов, и проблем, и беспокойства.

С чего начать рассказ о работе загса — с регистрации рождения или с регистрации брака? С одной стороны, ребенку вроде бы положено появляться на свет после свадьбы, а с другой — мало ли детишек рождается независимо от того, есть у мамы на пальце обручальное кольцо или нет. Так что справедливее начать с рождения, тем более что это первое «гражданское состояние» человека.

На основании справки, выданной роддомом, загс оформляет свидетельство о рождении, и безымянный дотоле младенец становится официально Павлом Ивановичем Куприяновым или Марией Петровной Сидоровой. Заполняется графа «мать», графа «отец»... Если брак зарегистрирован, все просто, если же нет, то фамилию ребенку присваивают материнскую, а графу «отец» заполняют со слов мамы. Скажет она, что папу зовут Гастон Александрович д'Артаньян,— так и впишут. Никаких обязательств на отца, то есть на д'Артаньяна, такая запись не накладывает, никаких последствий за собой не влечет, потому что в актовой записи о рождении, которая остается на хранении в загсе, графа «данные об отце» остается незаполненной. А в метрике, выдаваемой на руки,— там все честь по чести. Сейчас стыдно вспоминать о пресловутом «прочерке» в свидетельстве о рождении.

Даже не состоя в браке с матерью ребенка, отец имеет право заявить, что ребенок его, и запись сделанная по такому письменному заявлению, накладывает на заявителя полную ответственность, как и на официального отца. В перечне многочисленных функций загса это называется «установлением отцовства».

По справке роддома регистрируются мертворожденные: оставляется два свидетельства — одно о рождении, другое о смерти, на руки выдается только последнее. Если же ребенок родился живым, но умер в течение первой недели жизни, порядок оформления в загсе такой же. Но вот парадокс: в этом случае мать имеет право на де-

нежное пособие по рождению ребенка, а в первом — лишается его. Какая-то дикая несуразность.

Классически нормальный вариант: родители состоят в зарегистрированном браке, родился ребенок, его желают назвать Игорьком или Катюшей, никаких споров, все мило, спокойно, дела на десять минут. Получите свидетельство о рождении, поздравляем! В документ вкладывается нарядная открытка. Молодых родителей первенца, разумеется только желающих, приглашают принять участие в ритуале имянаречения, который проходит очень торжественно, с вручением памятных медалей, с подарками...

Вроде бы несложный вопрос об имени порой упирается, как в каменную стену, в нелепые запреты.

— Мы бы хотели назвать дочку Анна-Мария, в честь бабушки.

— Нельзя.

— То есть как?..

— А вот так. Не положено. Назовите или Анной или Марией.

— Объясните хотя бы — почему?

Как объяснить, почему инструкция категорически не разрешает давать детям двойные имена и двойные фамилии? Почему не могут жить среди нас Анны-Марии, Хаджи-Булаты, Сергеевы-Ценские, Мамины-Сибиряки! Жаль, что нельзя попросить автора этого запрета дать вразумительные объяснения.

Зато разрешается называть своих ни в чем не повинных детей Роландами, Леонтинами, Грациями...

— Грация Васильевна Неумытых — вам не кажется, что это как-то не сочетается?..

— Мой ребенок! Как хочу, так и назову!

— Да ведь дочка подрастет, вам спасибо не скажет.

— Там разберемся!

Начинаются деликатные уговоры: инспектор призывает соблюдать разумность, родители (чаще всего одинокие мамаши) настаивают на своем. Не удается достичь компромисса, и появляются Анжелики, тезки неугомонной маркизы ангелов, Леонтины, названные в честь эстрадного кумира, Венеры, Грации... Не так давно одна юная мамаша, потрясенная красотой и телестраданиями рабыни Изауры, пыталась назвать ее именем свою дочку — насилу отговорили. А если бы не отговорили? Для таких случаев в актовую запись вписывают: «Имя дано по настоянию родителей». Так что, если лет через двадцать предстанет пред сотрудниками загса добрый молодец с плечами в косую сажень и поинтересуется, кто посмел дать ему имя Инфант, есть чем оправдаться.

Нередко возникают неожиданности там, где их никто не ждал.

— Мы назвали сына Алексеем, но теперь ему уже два месяца, и стало ясно, что он типичный Андрюша! Что делать?

Закон тут идет навстречу родительским чувствам: до года можно выписать новую метрику с новым именем, а в экземпляр, хранящийся в загсе, внести исправление. После года, вплоть до пяти лет, тоже можно проделать такую же процедуру, правда, требуется хоть какое-то обоснование. Например, мальчонка, нареченный Константином, упорно отказывается откликаться на «Костика» — откликается только на «Колю». Значит, будет Николаем. Или скончался дедушка, и родители ребенка, выполняя желание бабушки, просят назвать сынишку его именем.

Исправление имени детям происходит довольно часто. Некоторые актовые записи о рождении в загсе напоминают диктант плохого уче-

М. Аксельрод.
Рабочие транспорта!
В ваших руках судьба ваших детей.
1922

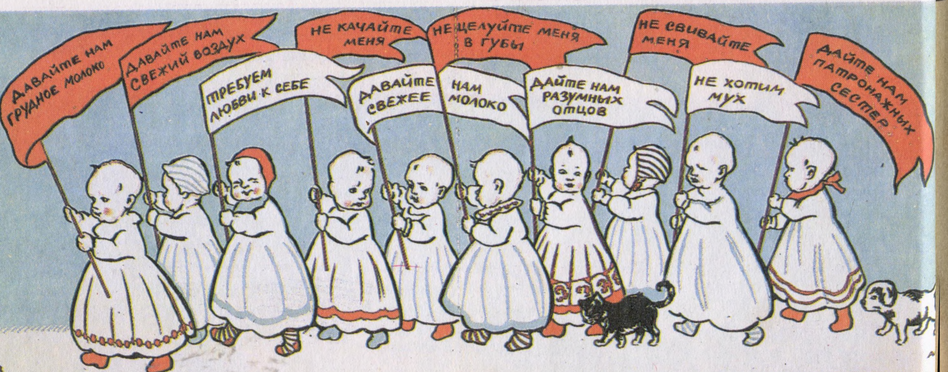

А. Соборова.
Туберкулез предотвратим, излечим.
1922

А. Соборова.
Дети — залог будущего,
радость настоящего.
1923

А. Соборова.
Неделя охраны
материнства
и младенчества.
1923

ника: написал, засомневался, зачеркнул, заново написал, опять засомневался...

Зато после того, как ребенку исполнится пять лет, никаких исправлений в метрическую запись о рождении вносить не разрешается. Всякие изменения отныне только после восемнадцати лет.

Работники загсов единодушно считают, что существующий порядок перемены имен и фамилий (после 18 лет) устарел. Разумнее разрешить проделывать подобную процедуру до поступления в школу или до получения паспорта, то есть до шестнадцати. Надо же учитывать, что в 18 лет приходится менять уже не только паспорт, но и аттестат, и комсомольский билет... И разве не нужно учитывать реакцию окружающих на перемену привычного имени знакомого человека?..

Словом, жизнь требует перемен и в этой области, достаточно серьезной для тех, кого она непосредственно затрагивает.

В последние годы у работников загсов прибавилось работы: собираясь покинуть нашу страну, некоторые граждане изъявляют желание изменить имя, фамилию, даже национальность. Для удовлетворения подобных просьб обязательны документальные основания. Если они имеются, то Мария Николаевна, русская, превращается в Марию Вайндорф, немку (по матери), Григорий Крамов — из русского в еврея (по отцу), Алексей Катанян — в Арама Катаняна (по деду)...

С разными просьбами обращаются люди в загс и в любом случае необходимо разыскать документы, если надо — запросить их из других городов и сел. Иногда это просто, иногда невероятно сложно: люди переезжают с места на место, женятся, разводятся, вступают в новые браки — иногда по нескольку раз, теряют документы, получают взамен утраченных другие, не всегда идентичные... Надо разыскать, запросить, восстановить, проверить, учитывая обстоятельства каждого заявителя, постараться уложиться в сроки, которые его устраивают, объяснить, доказать, успокоить... Работников же — раз-два и обчелся. В районном отделе загс штат... десять человек!

Тут самое время сказать, как оплачивается работа сотрудников загса: инспектор получает от 80 до 112 рублей в месяц, заведующая — от 160 до 180. При всем том учтите, что на такой работе они должны соответственно выглядеть — быть хорошо одеты, причесаны. Должны быть сдержанны, приветливы, терпеливы. Обладать специальными знаниями: техникум государственного делопроизводства при Мосгорисполкоме готовит на отделении правоведения юристов со средним образованием, в том числе и для загсов. Для них есть курсы повышения квалификации, есть ежемесячные обязательные лекции в горзагсе. Но вопиющее несоответствие требований и оплаты неизбежно ведет к тому, что люди, хорошо подготовленные и любящие свое дело, просто вынуждены искать любое другое место, где зарплата хоть немного выше. «Текучка кадров» (интересно, кто придумывает подобные формулировки!) для загсов проблема важнейшая, и не решить ее ни убеждениями, ни курсами повышения квалификации, ни грамотами за отличную работу. Платить надо больше людям, и все.

Не только зарплату сотрудникам необходимо повысить, весь уровень материально-технической базы регистрации актов гражданского состояния нуждается в том же. Это особенно заметно по Дворцам бракосочетания.

С тех пор как появились Дворцы, они «оттянули» на себя часть матримониальных забот районных отделов загс. В Москве четыре Дворца, и все они, кроме воскресенья и понедельника, к услугам мо-

лодых пар, при условии, что в этой паре хоть одна ее половина имеет московскую прописку. Регистрация брака во Дворце проходит торжественней, чем в загсе. Там красивее, просторнее, музыка. Но Ольга Дмитриевна Вилкова, сотрудник горзагса, ведающая обрядами, недовольна:

— Какие это Дворцы! В столице нет ни одного Дворца бракосочетания, который соответствовал бы своему названию. Обстановка повсюду казенная, любое отступление от стандарта невозможно. А почему? Потому, что мы бюджетная организация, не имеем возможности сделать что-либо по своему вкусу. А между тем...

А между тем неподалеку от улицы Грибоедова, где размещаются городской отдел загс и Дворец бракосочетания № 1 (по-моему, такая нумерация Дворцов свидетельствует о полном отсутствии воображения!) в Харитоньевском переулке, находится бывший юсуповский особняк — прекраснейшее здание с такой внутренней отделкой, что дух захватывает! Он занят Президиумом ВАСХНИЛ, учреждением очень почтенным, которое к тому же сознает, что конторские столы и шкафы не добавляют прелести дворцовому интерьеру. Президиум ВАСХНИЛ соглашается — сам! — передать особняк под Дворец бракосочетания, предварительно — за свой счет! — отремонтировав его. Такой Дворец мог бы стать украшением столицы, одной из ее достопримечательностей. Но не могут же уважаемые члены Президиума ВАСХНИЛ выставить свои столы и шкафы на тротуар! А Моссовет ничего не в состоянии предложить им взамен юсуповского особняка.

— Сейчас многие молодые венчаются в церкви, и не только верующие. Хочется испытать в день свадьбы что-то необычное, ведь единственный день...

В городском загсе уверены: было бы у них побольше денег (ведь и вновь установленная пошлина — 15 рублей — сумма достаточно скромная), многое можно было бы изменить к лучшему.

— Пригласили бы актеров для чтения ритуальной речи, как бы она зазвучала! Пригласили бы фольклорные ансамбли — столько ведь говорим о возрождении народных обычаев! Заказали бы соответствующую обстановку. За рубежом процедура бракосочетания стоит дорого, да и у нас в церкви платят не рубль пятьдесят.

Во Дворце бракосочетания № 2 на Ленинградском проспекте свои заботы: весь огромный фасад Дворца стеклянный — зимой холодно, летом жара. Витринные стекла то и дело разбивают. Разгадка простая: над Дворцом размещается популярное кафе «Аист», крайне неприятное соседство.

— Кафе заканчивает работу в одиннадцать часов,— говорит директор Дворца Светлана Николаевна Ондина.— Никогда не знаем, чем кончатся сутки: пьяным дебошем под окнами или каким-нибудь ЧП похуже. А запахи!

Потянула носом, вроде треску жарят.

— Правильно,— подтвердила С. Ондина.— Сегодня четверг — рыбный день.

Согласитесь, стоять под звуки оркестра, в свадебном уборе, в свете хрустальных люстр, слушать слова поздравления, чувствовать, что твой брак в этот миг заключается, может быть, и на небесах, и... вдыхать кухонные запахи, все равно, трески или котлет по-киевски,— это как-то не вяжется одно с другим. Остается надеяться, что молодые, всецело поглощенные друг другом, такого диссонанса не замечают.

Еще одно «гражданское состояние» — развод. Как известно, загс расторгает брак в тех случаях, когда оба супруга согласны на развод,

нет малолетних детей, нет имущественных споров. Во всех спорных случаях разводом занимается суд. Но не всем известно, что после решения суда развод следует в обязательном порядке оформить в загсе, без этого развод еще не развод.

Работники загса оформляют усыновление и удочерение после вынесения решения исполкомом райсовета, восстанавливают утраченные актовые записи, ведут огромную переписку...

Единственная запись, которая, увы, ничего не меняет для человека,— запись о смерти. Уже давно эту печальную обязанность передали в Бюро ритуальных услуг, которым загс выдает актовые книги и бланки свидетельств о смерти. Заполненные, они возвращаются на хранение в загс.

Заканчивая эти, очень скупые, заметки о работе загсов, предвижу недовольное брюзжание: столько неотложных расходов в нашем хозяйстве, столько жизненно важных проблем решить не можем, так еще и загсы норовят ухватить побольше. Потерпят, перемучаются.

Все так, денег не хватает, расходов много, мы все это знаем. Но вот согласиться с тем, что нищенское существование отделов записи актов гражданского состояния не является тоже проблемой, и немаловажной,— трудно. Каждая запись касается человека, каждая вносит свою, пусть маленькую, лепту в воспитание человеческой души — разве таким обстоятельством можно пренебрегать?!

Знаете, сколько лет хранятся актовые записи? Семьдесят пять в районных отделах, потом они сдаются в архив, где можно увидеть даже церковно-приходские книги. Сдаются на постоянное хранение.

Постоянное хранение... Звучит почти как вечность...

К ВКЛАДКЕ НОМЕРА

СОВЕТСКИЙ ПЛАКАТ: первые годы...

Добираться до глубин человеческого сознания и закоулков души в годы гражданской войны и иностранной интервенции порой бывало просто некогда. На эстетику в плакате стали обращать меньше внимания как его творцы, так и заказчики. В спешке забывались и традиционные законы художественного творчества, и извечное стремление человечества к нравственному идеалу. К искусству приобщались массы, и само искусство становилось массовым.

Из плаката той поры стали исчезать былые образность и метафоричность, музыкальность и экспрессивность графики, тонкость и лиричность живописи, философичность и иносказательность сюжета. Их вытеснили лозунговость, революционный пафос, простота и прямолинейность мысли, доходчивость образа и текста. Лаконичность и многословность по-прежнему оставались равноправными.

Плакат все чаще стал обращаться не к конкретной личности, а к группам лиц, коллективам, обществу в целом. Адресность размывалась.

Плакат старался быть понятым всеми. Но он продолжал будить сострадание в огрубевших сердцах народа.

«Социальный заказ» искусству был прост и надежен. Двусмысленности, разночтениям места не оставалось. Слабо сопротивляясь, плакат становился рупором диктатуры пролетариата. Жеманное неофициальное, неформальное искусство не оплачивалось властями.

Заметно расширялась география выпуска плакатов. Их издание приспосабливалось к нуждам фронтов и прифронтовых районов.

Плакат «Рабис (работники искусств) — фронту», вышедший в 1920 году в Архангельске тиражом всего в 200 экземпляров, возможно, не причислишь к разряду классики. Но, благодаря своей конкретности, он сослужил все же добрую службу. То же самое можно сказать и о двухцветной литографии, выполненной в жанре лубка и выпущенной в 1919—1920 годах на Западном фронте, в Смоленске: «Несите на фронт красный подарок».

Лубочный характер носит и плакат М. Черемныха «Фронт и тыл одна семья, надо фронту дать белья!», изданный в 1920 году в Москве. Некоторая игривость плаката не подменяла его человечности. Она была в русле традиционного народного плаката.

Окончание см. на 3-й стороне обложки.

Владимир КОРНИЛОВ

В ШВЕЙЦАРИИ

ОПРОВЕРЖЕНИЕ КЮСТИНА

Приезжая из России, они веселы... и те же люди, возвращаясь в Россию, становятся мрачными...
Де Кюстин. «Россия в 1839 году»

Досточтимый маркиз де Кюстин,
Вы ошиблись безбожно:
Я не радовался, а грустил,
Покидая таможню.
И пока самолет между туч
Грохотал ошалело
И нащупывал радиолуч,
Где свернуть на Женеву,
Я, тревогу мешая с тоской
И смиряя рассудок,
Опасался расстаться с Москвой
И на четверо суток.
Вы ошиблись, маркиз. Миль пардон...
Нет, веселья не прячут
Вылетающие за кордон,
А, вернувшись, не плачут.
Мы сегодня другие, увы! —
От беды и мытарства
Протоплазма сменилась в крови
За годов полтораста.
Мы уже из другого сырья
И немного калеки,
Нам уже никуда от себя
Не уйти в этом веке.

В ТОНХАЛЛЕ-ЗАЛЕ

Дару Юрия Темирканова
Я до ночи рукоплескал,
И тревога как в воду канула,
Я как будто рожден был заново
И подброшен в Тонхалле-зал.

А сначала хватался за голову:
Два десантника за Афгань
Съезд натравливали на Сахарова,
И казалось, что дело — дрянь.

Но в Тонхалле я не испытывал
Ни отчаянья, ни тоски:
Ободрил музыкант из Питера
Литератора из Москвы.

Скрипки с ходу хватали истину
И вели за собой оркестр,
И могли бы «Картинки с выставки»
Повернуть потрясенный съезд.

За гармонией шла ирония,
И была небесам близка
Ленинградская филармония,
Не разогнанная пока.

И царил над Цюрихом Мусоргский,
И внушал: про испуг забудь,
Потому что с такою музыкой
Образуется как-нибудь.

ФРАНК

Крест белый на кровавом поле —
Швейцарский флаг.
Прекрасный флаг, но в главной роли
Не флаг, а франк.
Хоть у него монаший колер
И вид — зато
Иена, марка, фунт и доллар
Пред ним — ничто.
Один, без «боингов», без танков,
Без РСД,
Сумел он понатыкать банков
Здесь, как нигде.

Зато и воздух высшей пробы,
Сверхкислород!
И лимита со всей Европы
Здесь моет-трет.
И нет ни власти, ни безвластья —
Свобода сплошь!
И кажется: покой и счастье
Здесь обретешь.
Не наблюдается соблазна
Для бурь, для бед...
И только равенства и братства,
Как всюду, нет...

ТРАМВАИ

Пуговицы обрывая
В троллейбусах и метро,
Цюрихские трамваи
Вспоминаю зато.

Безо всякой помехи
Восседают внутри
На колясках калеки,
Как все равно цари.

И все же мои восторги
Мгновенно сходят на нет
Около остановки,
Где университет.

Нервы всем надрывая
И не суля добра,
Вламываются в трамваи
Здешние любера.

И будто воочию вижу,
Как Цюрих, стеклом хрустя,
Салютует Парижу
Двадцать годов спустя,

Как лягут сейчас трамваи
Вдоль рельс или поперек...
Однако подозреваю,
Что я никакой пророк,

И просто бушуют парни,
Поскольку в них бездна сил!
А я постарел бездарно
И молодость позабыл.

В ТЕАТРАЛЬНОМ ПОДВАЛЕ

Синявский читал Маяковского —
Не «Облако», а «Левый марш»
Да так, что не жалко и «Оскара» —
Себя с потрохами отдашь.

Согбенный, насупленный, яростный,
Как будто с амвона взывал,
И цюрихский был длинноярусный
Набит под завязку подвал.

Читал, как в четверг после дождика,
Когда не вернуть ничего,
Читал православный безбожника,
Как будто свергал божество.

Как будто мечтал: пусть ненадолго,
Хотя бы минуток на пять,
Но родина, молодость, каторга
К нему прикоснутся опять!

В смиренье читал или в гордости,
С намереньем или спроста —
Не знаю, но в дьявольском голосе
Одна ностальгия росла.

В ГОСТИНИЦЕ

Л. Копелеву

Телефон молчит вроде жмурика:
Никому я не нужен тут.
Телефонная ж книга Цюриха
Весит что-нибудь целый пуд

И ничуть не уступит Библии
С иллюстрациями Доре...
Ждал сумы, и тюрьмы, и гибели,
А в удобной лежу норе.

У отеля четыре звездочки,
Словно это тебе коньяк,
Но, однако, так трезво в воздухе,
Что в себя не приду никак.

Жизнь, выходит, я прожил олухом —
Из потерь, из обид и мук...
И на кирхе тоскливый колокол
Производит не звон, а стук.

От бессонницы и от роскоши
Плоть и дух мои не в ладу:

Сразу в будущее и в прошлое
Окунулся — и как в бреду...

Мерный стук до ушей доносится,
Не поймешь, по кому скорбя...
Зарубежное одиночество,
Что милей и страшней тебя?

ПЕРЕД ОТЛЕТОМ

Женщина с «Немецкой волны»,
Мы безмерно разделены,

Хоть арбатский ваш говорок
Не слинял еще, не поблек.

Цюрих. Ночь в холодном дожде.
Вы идете в черном плаще

И Кассандрою на ходу
Предрекаете нам беду:

Перестройка, мол, не лафа:
Сумгаит, Чернобыль, Уфа,

А позавчера — Таймомынь!
Это уж, простите, аминь...

Женщина с «Немецкой волны»,
Завтра вы вернетесь на Рейн.

Вам, пожалуй, с той стороны
Все видней куда и верней.

Можно даже в сытом краю
Драться за судьбу беглеца...

Я себе оставлю свою,
Досмотрю ее до конца.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Он их высоких зрелищ зритель...
Ф. Тютчев

Морозом каким дышала,
Считала, что всех сильней,
И вдруг поползла держава,
Полезла на ней шинель.

Локауты, забастовки,
На площадях галдеж,
И самые злые толки
Сбываются чуть не сплошь.

Разруха, неразбериха,
Звериный поиск причин...
А лихо-то не безлико,
У лиха с лихвой личин.

Катком по земле катили,
Теперь хоть кати шаром,
И в городе, как на льдине,
От голода перемрем.

Друг, сверстник, себе не веришь?
А все же вовсю гляди:
Вон сколько высоких зрелищ
Повсюду и впереди.

Ты дожил, хоть ноет сердце...
Взбодрись и будь горд судьбой:
История и бессмертье
Накоротке с тобой.

1989

Николай КАРЕТНИКОВ

ТЕМЫ С ВАРИАЦИЯМИ

Фрагменты книги

Всегда был убежден, что композиторы должны писать только музыку, и считал для себя совершенно невозможным сочинять что-либо «прозоподобное». Однажды мне было предложено составить небольшие воспоминания о Г. Г. Нейгаузе.

Отдавая составителю сборника свой материал, я вдруг понял, что написал, собственно, рассказ.

Разнообразнейшие люди, с которыми приходилось общаться, и события, в которых приходилось участвовать, показались мне чрезвычайно интересными, важными и даже необходимыми для феноменологии времени. Каким-то образом я запоминал детали происходящего и все, что говорилось. К счастью, эпизоды, связанные с такими людьми, как Юдина, Шебалин, Нейгауз, Галич, Зельдович или Габричевский, не делают мои писания полностью схожими со Щербатовским «О повреждении нравов в России».

При чтении моих новелл может создаться впечатление, что я один находился в том исключительном положении, которое описываю. В том же положении находились и мои дорогие товарищи — С. Губайдуллина, А. Пярт, А. Шнитке, В. Сильвестров. Думаю, что я имею право писать только о том, что пережил сам, или о том, чему был свидетелем.

Все написанное мною в «прозе» прошу считать документами. Я не придумал ни единого слова.

ПОЭЗА

На письменном столе отца (он тогда был парторгом большого министерства) обнаруживаю документ нижеследующего содержания и вида:

«Протокол общего собрания коллектива Министерства высшего и среднего образования СССР, посвященного Международному Женскому дню 8 марта.

Председательствующий: Товарищи! Разрешите общее собрание, посвященное Международному Женскому дню 8 марта, считать открытым. (Аплодисменты.) Слово для выдвижения президиума предоставляется тов. ... (Аплодисменты.) (Аплодисменты.)

Председательствующий: Разрешите ваши аплодисменты считать за одобрение состава президиума. (Аплодисменты.) Прошу членов президиума занять свои места. (Аплодисменты.) Слово для выдвижения почетного президиума предоставляется тов. ... (Аплодисменты.) (Аплодисменты.)

Председательствующий: Разрешите ваши аплодисменты считать за одобрение состава почетного президиума. (Аплодисменты.) Слово для доклада о Международном Женском дне 8 марта имеет тов. ... (Аплодисменты.) (Аплодисменты.)

Председательствующий: Разрешите ваши аплодисменты считать за одобрение доклада. (Аплодисменты.) Слово для оглашения приветственной телеграммы товарищу Сталину от нашего собрания предоставляется тов. ... (Бурные аплодисменты.) (Бурные аплодисменты.)

Председательствующий: Разрешите ваши аплодисменты считать за одобрение приветственной телеграммы. (Долгие, не смолкающие аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают. В зале слышны возгласы: «Ура! Да здравствует советский народ! Да здравствует Великий Сталин!»)

Председательствующий: Разрешите собрание, посвященное Международному Женскому дню 8 марта, считать закрытым. (Аплодисменты.)»

От руки: «Утверждаю». (подпись неразборчиво)

Я обнаружил эту бумагу 1 марта 1947 года.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

На мой вопрос о том, как он относится к марксистской философии, Александр Георгиевич Габричевский ответил: «Главным пунктом в этой теории является утверждение, что материя первична, а сознание вторично. Это просто голое, как факт, утверждение. На чем же здесь можно строить философию?..»

Генрих Густавович Нейгауз, почитатель Гегеля, Канта, Шопенгауэра и Ницше, выйдя из аудитории после первой лекции по марксизму (посещать курс лекций по этому предмету обязали тогда всех консерваторских профессоров), всплескивал руками от восторга и восклицал: «Это невероятно! Это потрясающе интересно! Ничего подобного не мог себе представить!» После второй лекции он вышел вполне спокойно и заявил: «Да, это интересно». Выйдя после третьей, он развел руками и смущенно сообщил: «Позвольте, но ведь это же все одно и то же!» Он всегда умудрялся говорить то, что думал.

Что же должна была пережить моя бедная мама (окончившая четыре класса церковноприходской школы и полгода учившаяся в консерватории), когда в возрасте 60 лет ее обязали сдавать марксизм. Она работала в вокально-драматической части МХАТа.

Для зачета ей было предложено осветить четвертую (философскую) главу «Краткого курса истории ВКП(б)».

Она готовилась к изучению материала как к празднику: вечером, завершив домашние дела, она надела выходное платье, села за стол в аккуратно прибранной кухне спиной к двери, раскрыла книгу и приготовилась учиться. Я наблюдал за происходящим через дверное стекло. Полгода назад я уже сдавал «Краткий курс» в первый раз.

Мама прочитала вслух первую фразу:

— Что дает марксистское мировоззрение члену коммунистической партии? — и попробовала осмыслить, прочитав ее еще раз, громче.— Что дает марксистское мировоззрение члену коммунистической партии?

По тому, как это было повторено, стало ясно, что слова не складываются для нее в какой-либо смысл. Она повторила фразу медленнее и еще громче, с ударениями на каждом слове:

— Что дает марксистское мировоззрение члену коммунистической партии?!

Смысл фразы не прояснился. Тогда она прочитала еще громче, но на этот раз быстро: «Что дает марксистское мировоззрение члену коммунистической партии?!!» — результат тот же...

Мама в отчаянии обхватила голову руками и, после паузы, вновь тихо произнесла:

— Что дает марксистское мировоззрение члену коммунистической партии?

Она замерла, потом положила обессиленные руки на стол, посмотрела куда-то вверх и спросила у самой себя или, быть может, у Бога:

— А правда!.. А что дает марксистское мировоззрение члену коммунистической партии?!

Я был больше не в состоянии видеть эти муки и отошел от двери.

На следующий день она вернулась из театра в счастливом возбуждении:

— Сдала! Сдала! — повторяла она и от радости не находила себе места.

— Но, мамочка, как же ты сдала, ведь ты не могла запомнить даже первую фразу?!

— Очень просто! Они дали мне книгу, и я прочитала им один абзац — так и сдала!

И МЫ УЧАСТВУЕМ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ЖИЗНИ

Лето 1957 года. Жуткая жара.

Присутствую в Малом театре на репетиции первого драматического спектакля с моей музыкой.

В пустом зрительном зале, в центральном проходе партера, за режиссерским столиком священнодействует режиссер-постановщик. На сцене, на длинном пандусе, одетый в толстый ватник (действие пьесы происходит зимой) скучает совсем еще юный Никита Подгорный. Пот струится по его лицу. Репетиция тянется вяло и нудно.

Движимый любопытством, я спустился под сцену и обнаружил там огромный барабан, на котором, по-видимому, изображают театральный гром. Я начал на нем потихоньку наигрывать, наслаждаясь неслыханным звуком — звук самых больших оркестровых барабанов не шел ни в какое сравнение со звуком этого гиганта.

Это мое занятие было прервано мощным жестким ударом и вослед ему раздался душераздирающий вопль. Решив, что наверху произошло какое-то несчастье, я мгновенно выскочил на сцену и услышал:

— Подонок!! Мерзавец!! Недоносок!!

А затем увидел, как в глубине партера режиссер поднял над головой свой столик и с очередным воплем вдребезги разбил его об пол, после чего, держась за сердце, удалился в фойе.

Никита продолжал сидеть на пандусе с меланхолическим выражением лица.

— Ты что ему сказал? Чего он так взорвался? — спросил я, подходя к Подгорному. Он тихо и слегка удивленно ответил:

— Понимаешь, я всю ночь не спал. Машка орала, и я то совал ей водичку, то менял пеленки. Только часа в четыре заснул... А ты знаешь, что сегодня в Москву приехал афганский вице-король? Живу я около Центрального телеграфа... Так вот, в пять утра меня разбудил управдом и поинтересовался: «Не пойду ли я встречать и приветствовать афганского вице-короля?» Ну, я его послал... И всю репетицию хотел выяснить у нашего режиссера, не ходил ли он приветствовать афганского вице-короля, наконец спросил, и ты видел, как странно он отреагировал?..

КАКИМИ БЫВАЮТ ПОХОРОНЫ

Вдоль дороги и примыкавших к ней улиц, от самого переделкинского пруда, плотно стояли машины с московскими и дипломатическими номерами. Милиция бойко распоряжалась их размещением. Идти пешком пришлось, наверное, с километр.

На поле, против дома Пастернака стояла огромная пятитысячная толпа и наших и иностранцев. Не было слышно ни одного звука, кроме звука шагов.

Во дворе людей было меньше, и начали попадаться знакомые лица. Из известных мне членов ССП я увидел только Илью Зверева. Потом мне сказали, что был Паустовский, но я не знал его в лицо. Недалеко от крыльца с низко опущенной головой стоял Нейгауз. Не здоровались.

Были едва слышны траурные звуки фортепиано: где-то в задних комнатах, сменяя друг друга, играли Рихтер и Юдина.

С крыльца спустился Борис Николаевич Ливанов, подошел к Нейгаузу и очень тихо сказал: «Ну вот, Генрих, осиротели мы...» Это была единственная фраза, которую я услышал за все эти долгие минуты. Продолжался шум шагов все новых и новых людей.

Я вошел в дом. В головах гроба — сыновья — Женя и Леня, в ногах — Зинаида Николаевна. Вдоль стен, неподвижно, молча, стояли люди. Продолжала звучать музыка, она была хорошо слышна внутри дома. Так прошло около часа.

Появился некий человек из похоронной команды Литфонда и скомандовал: «Выносите...»

Гроб подняли. Оказалось, что его невозможно вынести из комнаты. В горизонтальном положении он не разворачивался в узком простенке. Гроб начали осторожно поднимать в вертикальное положение, и Борис Леонидович как бы встал, чтоб в последний раз увидеть свое жилище. Все это происходило без единого слова.

Во дворе гроб подхватили десятки рук, теперь он остался на плечах только у сыновей, шедших впереди; рук же было так много, что все остальные могли нести его лишь на кончиках пальцев.

На дороге за воротами ждал литфондовский «погребальный» автобус. Его задние дверцы были открыты, и шофер жестами предложил поставить гроб внутрь, но несшие его, тоже жестами, отказались это сделать. Процессия двинулась, автобус ехал впереди до самого кладбища, и шофер время от времени предлагал все то же, но на него уже не обращали внимания.

Когда гроб проплывал мимо огромной толпы, слышалось только щелканье фотозатворов, да все то же шарканье многих тысяч ног по земле. Вспыхивали блицы — иностранцы поднимали над головами кинои фотокамеры — тогда я это увидел впервые.

Становилось жарко.

Я поддерживал гроб в самом последнем ряду. В какой-то момент я почувствовал, что на меня сзади наваливается большое тяжелое тело, было слышно затрудненное хриплое дыхание. Повернув голову, я увидел лицо Льва Копелева (я знал, что он недавно перенес инфаркт). Не замечая ничего вокруг, Лева протягивал к гробу руку, стараясь к нему хоть как-то прикоснуться дрожащими пальцами, он весь как будто перешел в эти пальцы.

Чтобы уступить ему место, мне пришлось буквально сесть на дорогу, так как пробиться в сторону не было возможности. Лева перешагнул через меня и мгновенно дотянулся до гроба, на его лице появилось какое-то успокоенное выражение.

Теперь я мог видеть все происходящее.

Основная масса людей шла по дороге, меньшая часть длинной вереницей тянулась прямо через поле. Это напоминало строки из «Августа» — при подходе к кладбищу они даже пробирались через ольшаник.

Вдоль длинного забора Дома творчества литераторов, только с внутренней его стороны, маячили лица «братьев писателей» и членов их семей. Никто из них не присоединился к похоронной процессии. Гроб опустили около вырытой на склоне могилы. У ее края встал Валентин Фердинандович Асмус и в той же, поражающей сознание, тишине начал надгробную речь. Эта речь известна. Он смог сказать в ней все, что надо было наконец произнести вслух.

После речи гроб почему-то сразу стали опускать в могилу. В какой-то странной спешке его положили головой вниз — в сторону склона.

Потом говорили многие, и почти все, вновь и вновь, читали «Август». Последним был молодой матрос в бушлате и тельняшке — он тоже читал «Август».

Когда расходились, то одни опять шли по дороге, а другие пересекали поле.

Больше всего меня потрясла и запомнилась навсегда тишина, скорбная, страшная тишина, наполненная дыханием тысяч людей и шумом тысяч медленно ступавших ног. Нигде и никогда я больше ее не слышал.

На другой день все это, но со значительно большими подробностями, я рассказал Михаилу Юрьевичу Блейману.

— Э-э... Колька! — сказал Михаил Юрьевич, глядя на меня умными, необыкновенно добрыми, слегка выпученными, как у старого барбоса, глазами,— ты, наверное, заметил, что похороны человека часто находятся в зависимости от того, что он сотворил в прожитой им жизни. Вспомни похороны Сергея Прокофьева, вспомни, что Чехова везли через всю Германию в вагоне с устрицами, о похоронах Сталина я уже не говорю. Здесь есть жесткая закономерность, так что нечего удивляться похоронам Бориса Леонидовича... А ты ведь наверняка не знаешь похорон Зощенко?

Я подтвердил, что не знаю.

— А вот я тебе сейчас расскажу. (Я записываю только то, что мне рассказал Блейман.) Гроб с телом Михаила Михайловича установили в ленинградском Доме литераторов. Траурный митинг открылся при огромном стечении народа — и еще на улице стояли толпы. Первым на возвышение поднялся прекрасный ленинградский прозаик Леонид Борисов. Он начал: «Сегодня мы прощаемся с великим русским писателем!..» Но не успел он закончить фразу, как за его спиной возник председатель Ленинградского Союза Александр Прокофьев, энергично столкнул Борисова с возвышения и провозгласил: «Нет! Покойный не был великим русским писателем. Он был только «известным»!..» Теперь уже Борисов столкнул Прокофьева с возвышения и вновь заявил, что «Сегодня мы хороним великого русского писателя!». Прокофьев опять его столкнул и опять утверждал: «Нет, покойный был только «известным» советским писателем!»

Это препирательство повторилось еще несколько раз.

Траурное настроение начало постепенно рассеиваться — происходящее слишком сильно напоминало какой-то, случайно Зощенко не написанный, рассказ.

Кое-как отговорили и тронулись на кладбище. Когда толпа провожающих приблизилась к могиле, то покойника рядом с ней не оказалось. Ждали час, потом другой... в начале третьего гроб с умершим наконец появился — его, как Пушкина, провезли какими-то задами.

На горку свежевырытой глины опять взобрался Леонид Борисов и заявил, что «Сегодня мы прощаемся с великим русским писателем!», и опять Александр Прокофьев столкнул его и утверждал, что писатель был только «известным советским». Это продолжалось до тех пор, пока Борисов, поскользнувшись, не упал в разверстую могилу. Его вытаскивали оттуда при помощи канатов, на которых обычно опускают гроб.

Веселья было предостаточно.

ДОПОЛНЕНИЕ К «ИСТОРИИ КОСТЮМА»

В те годы мужчины носили широкие брюки.

У обычных граждан эти брюки были хоть и некрасивы, но все же приличны. На функционерах и персонах особо отмеченных «заслугами» брюки были в два раза шире и являлись как бы отличительными знаками некоей кастовой принадлежности.

Я пришел к А. Г. Габричевскому потрясенный, так как только что закончил чтение толстой папки его искусствоведческих статей, написанных о решительно всех видах изобразительных искусств, музыке и архитектуре. Особенно поразили и озадачили меня статьи по философии архитектуры — я не имел об этом предмете ни малейшего представления и, чтобы что-то понять, перечитывал их по три-четыре раза. Я знал, что было им написано и практически не опубликовано.

Габричевский слушал выражение моих восторгов, и лицо его было мрачно. Когда я замолк, он сказал:

— Ты не можешь не понимать, что я на самом деле не реализовался.

— Как же так, Александр Георгиевич? Ведь все уже существует!

— Это всего-навсего папка с бумагой... Она может таковой и остаться.

— Уверен, что рано или поздно все ваши работы будут опубликованы!

— В это я не верю.

— Но вы же еще читали лекции в Академии архитектуры и в университете. У вас было много учеников, и то, что они от вас узнавали, не могло исчезнуть бесследно!

— Когда я читал лекции, я видел молодые прекрасные лица, и мне казалось, что они меня понимают... И все, что я старался им передать и объяснить, останется в них. Но проходил какой-нибудь десяток лет... Иногда я встречал кого-нибудь из них на улице и вдруг с ужасом замечал, что на нем вот такие (он развел ладони) широкие брюки...

ИСТИННАЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ

Спектакль закончился. Я побежал в дирижерскую комнату, чтобы сообщить Жюрайтису некоторые замечания о сегодняшнем исполнении. Только мы успели раскрыть положенную на крышку рояля партитуру, как дверь в дирижерскую без предварительного стука отворилась, сначала показалась рука, держащая партию контрабасов из моего балета, а затем ее владелец, одетый в превосходно сшитый черный костюм. Встретив его на улице, я бы решил, что он академик или, по меньшей мере, членкор.

Не здороваясь, он раскрыл партию на последней странице, протянул ее Жюрайтису и произнес со сдержанным гневом:

— Альгис Марцелиевич! Прошу вас обратить внимание на это вопиющее безобразие и доложить в дирекцию оркестра!

Некоторое время Жюрайтис что-то изучал в партии и затем сказал:

— Да, это ужасно! Я обязательно доложу!

Я бросился вперед, любопытствуя, что бы там такое могло быть. Жюрайтис быстро перехватил меня хорошо натренированной рукой:

— Нет, нет! Тебе нельзя!

«Членкор», корректно раскланявшись, удалился.

— Теперь смотри,— разрешил Альгис.

На последней странице партии контрабасист начертал длинный перечень самых грязных матерных ругательств в мой адрес.

— Ну и что тут такого! Я привык к подобной переписке оркестрантов со мною еще во время репетиций! А что это за человек, и какое дело ему до этого?

— Ты же знаешь, что сегодня в театре Микоян? Так вот — это его охранник, который должен находиться в оркестре под правительственной ложей прямо в группе контрабасов. В его представлении то, на что смотрит Микоян, не может быть ничем дурным. В подобных ругательствах он усмотрел оскорбление власти и прореагировал так, как ему положено.

В дирекцию Жюрайтис не пошел...

АЛЛЮЗИИ

Понадобилось всего два часа для того, чтобы худсовет «Ленфильма», прослушав фрагменты музыки и выяснив принципы постановки, принял решение о производстве фильма-балета «Крошка Цахес по прозванию Циннобер».

Так как до этих пор в кино снимались только готовые балетные спектакли, в Москву зампредседателю Комитета по делам кинематографии было послано письмо с просьбой разрешить оплату оригинального балетного сценария, ибо официально такого сценарного жанра не существовало.

Никакого ответа от зампредседателя комитета Баскакова не последовало. Я ждал три месяца и наконец попросил Михаила Юрьевича Блеймана, бывшего в то время (1967 г.) консультантом Комитета, устроить мне встречу с Баскаковым.

Он и ввел меня в зампреседательский кабинет.

Владимир Евтихианович Баскаков меня знал, и, как только я появился на пороге, поднялся из своего зампредседательского кресла во весь свой огромный рост, уперся в стол кулаками и сразу меня огорошил:

— Вы хотите снять антисоветский балет!

— Владимир Евтихианович! Гофман написал свою сказку в 1819 году! О чем здесь можно говорить?!

— И все же вы хотите снять антисоветский балет!

— Но при сочинении его мы не имели в виду никаких политических мотивов! Единственное, что там можно при желании усмотреть,— это элементы прихода Гитлера к власти...

— Вот-вот!.. Антифашистские мотивы! Мы уже знаем, как это переворачивается! Вы хотите снять антисоветский балет!

— Гофман ничего подобного не мог иметь в виду. Он воевал с третьим сословием!

— Ну, уж если вы так хотели иметь дело именно с Гофманом, почему вы не взяли «Серапионовых братьев»? Великаны... никаких аналогий!..— заявил Баскаков, обнаруживая, что он некогда учился в ИФЛИ.— Нет! Вы взяли именно «Крошку Цахеса»!.. Вы хотите снять антисоветский балет!

И эта фраза, еще пару раз повторенная, неслась мне вслед, пока я уходил из зампредседательского кабинета.

ПОКУПКА

В 1961 году после постановки Большим театром балета «Ванина Ванини», который был оценен как злобная вражеская вылазка из-за того, что при сочинении его я пользовался средствами додекафонии, вокруг меня на долгие годы замкнулся заговор молчания, организованный Союзом композиторов и музыкальным отделом Министерства культуры. Захлопнулись все двери киностудий, филармоний, радио. Дошло до голода. Три года телефон безмолвствовал. Только в конце 1964-го наступило некоторое облегчение.

Симфоническая редакция Всесоюзного радио, с 1957 по 1961 год покупавшая и исполнявшая каждую мою ноту, признаков жизни не подавала.

В 1968 году на «Пражской весне» чехи исполнили 4-ю симфонию. Дома продолжалось молчание.

Весной 1969-го после восьмилетнего перерыва неожиданно позвонил глава симфонической редакции радио:

— Коля! Говорят, у тебя в Праге исполнялась какая-то симфония. Не мог бы ты нам ее показать?

Я удивился: зачем это нужно? Убежден, что даже слабого отзвука этой музыки они в эфир не пропустят.

— А для чего это вам?

— Ну... мы хотели бы знать, как ты сейчас работаешь.

Я согласился.

Войдя в кабинет главного редактора всея музыки всея радио, я застал там его самого, «главного» симфонической редакции и одного рядового. Это меня насторожило — не слишком ли много для такого показа?

Прослушали запись 4-й.

Последовал разговор, в котором мне объяснили, что эта музыка кошмарна, что я разучился работать, что теперь не смогу написать даже элементарной мелодии, что от меня полностью сокрылись цель и назначение музыки в этом мире, что я просто не проживу, творя подобный, никому не нужный кошмар, что обо мне никто доброго слова не скажет, что я совершенно сошел с ума, что те, кому эта музыка нравится,— сумасшедшие, что Г. Рождественский, который хотел это исполнять,— тоже сумасшедший и уж чехи-то подавно сумасшедшие...

Этот бред продолжался минут 40.

Все это время я мучительно старался понять, ради чего же все-таки они меня сюда позвали.

Наконец «главный симфонический» отрезал:

— Но я могу работать только так, как вы только что слышали!

— Ты будешь работать так, как ты захочешь!

— Хорошо! О чем идет речь?

— Ладно! Хватит! Поговорим о деле! Мы знаем, кто ты такой, и знаем, что ты умеешь. Именно поэтому мы делаем предложение тебе, а не кому-нибудь другому...

— Сейчас весна 69-го. В будущем году юбилей Ленина и юбилей комсомола — ты можешь выбрать любой. Можешь написать радиооперу или ораторию, кантату, симфонию или симфоническую поэму — мы платим двойной гонорар! Выбирай! У тебя впереди почти год.

Теперь все определилось. Попробуем качнуть ситуацию.

— Насчет комсомола — не знаю... Я был 2 года комсоргом в школе, 5 лет комсоргом своего курса в консерватории и еще 3 года комсоргом Московской композиторской организации. За это время я так и не понял, чем комсомол занимается. Могу, пожалуй, точно сказать, что о нем я писать ничего не буду. А вот насчет Ленина — интересно, следует подумать...

При последних словах все трое оживились, и каждый спросил на свой лад: «О чем это я собираюсь подумать?» Я ответил:

— Мне кажется, можно сделать настоящее, большое трагическое сочинение, дело за драматургом. Я просил бы вас мне его подыскать.

— Но почему трагическое?! — почти хором вскричали все трое.

— Как же не трагическое? Вспомните, что Ленин задумал и что реально получилось. Известно, что в конце жизни он понимал это. Так что давайте драматурга.

Я говорил открытым текстом не потому, что хотел им или самому себе казаться храбрым: к этому времени мне мучительно надоело лгать и уходить от прямых ответов.

Они молча на меня смотрели. Я загнал их в угол, и они это поняли. Наконец «главный» сказал:

— Хорошо, иди домой... Будет тебе драматург.

И никто из них не донес на меня, а ведь, по крайней мере, двое могли это сделать.

За 20 лет, прошедших с тех пор, они, все трое, умерли, а я все еще жду драматурга...

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Мы провели с Галичем наедине весь день и положенные 2 бутылки были выпиты. Но ему почему-то не хватило, и, оставив меня в своей болшевской комнатенке, он, взяв гитару, отправился бродить по соседям и «добавил еще», расплачиваясь исполнением песен.

Вернулся он в том состоянии, в котором даже самые элементарные охранительные рефлексы уже не срабатывали. С порога, еще не успев закрыть дверь, он очень громко, на весь коридор, закричал:

— Колька! Мы великая страна! Ни в одной стране мира не оценивают поэзию так, как у нас! У нас за стихи можно получить пулю!.. И я им не прощу! — его голос, от природы обладавший глубокими унтертонами, начал переходить в какое-то жуткое, грозное рычание.— Я им не прощу ни Мирану, ни Мандельштама, ни Заболоцкого!.. А ты знаешь, как умер Хармс? Это был робкий, тихий человек. Он никогда никого ни о чем не просил. В начале войны они забыли его в камере, и он там тихо умер от голода! Я не прощу им ни Введенского, ни Олейникова, ни Пастернака! Не прощу!! Не прощу!!

Саша бросился на свою койку лицом вниз, и в его рычащем крике были слышны рыдания...

И я не могу описать, не могу!.. Я не могу описать это!..

СОВЕТСКИЙ ПЛАКАТ: первые годы...

Окончание

По сравнению с дореволюционным благотворительным плакатом аналогичный плакат первых лет Советской власти обрел более строгий язык. Это можно сказать, в частности, о плакате «Все на помощь голодающим», выпущенном в 1921 году в Новороссийске тиражом 500 экземпляров. Еще больше страсти накалились в московском плакате предположительно М. Черемных «На борьбу с последствиями голода».

Особого разговора заслуживают плакаты начала 1920-х годов, посвященные детям.

Еще не ставшая шаблоном фраза «Дети — залог будущего, радость настоящего» использована художницей А. Соборовой в хромолитографии 1923 года и приурочена к Неделе охраны материнства и младенчества, беспризорного и больного ребенка. На другом плакате того же автора — крохотные детишки на демонстрации за свои законные права несут флажки с призывами, кажущимися сейчас наивными и смешными: «Не качайте меня», «Не целуйте меня в губы» и т. д. Что делать, таковы были рекомендации тогдашней медицины! Есть среди лозунгов не устаревшие и по сей день: «Давайте нам свежий воздух», «Дайте нам разумных отцов».

Помощь голодающим, здравоохранение, воспитание и образование — весь спектр вопросов, отражаемых первыми советскими плакатами, становился менее благожелательным, нежели, скажем, десятилетие назад. Вместе с полутонами из плаката, к сожалению, уходило добросердечие. Язык плаката становился более безапелляционным. В наступление пошла бесцеремонность...

К счастью, плакат — не тот вид искусства, о котором необходимо много говорить. Плакаты нужно видеть.

Посмотрите на них еще раз...

Игорь ПЕЧКИН

Г. Ш. Неделя ребенка. 1920

Воспроизведенные в этом номере плакаты хранятся в фондах Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 2 «ГОРИЗОНТА»:

По горизонтали: 7. Мораль. 8. Триод. 9. Джигит. 12. Горелки. 13. Людмила. 14. Команда. 15. Бассейн. 17. Конкурс. 21. «Фаталист». 22. Стотинка. 23. Водевиль. 25. «Марианне». 29. Цейтнот. 31. Антракт. 35. «Леонора». 36. Деление. 37. «Нафтуся». 38. Кирпич. 39. Сиваш. 40. Рудник.

По вертикали: 1. Локоть. 2. Заметка. 3. Фрагмент. 4. Ботаника. 5. Диаметр. 6. Шиллер. 10. Диккенс. 11. Кларнет. 16. «Соловей». 18. Устрица. 19. Пафос. 20. Ткань. 24. Лендлер. 26. Артмане. 27. Строение. 28. Барограф. 30. Евтерпа. 32. Коттедж. 33. Элегия. 34. Сессия.